

Николай Ярославцев
Вождь из сумерек
Серия «Вождь из сумерек», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7107867
Н. Ярославцев. Вождь из Сумерек: Э.ПА; Москва; 2014
ISBN 978-5-00039-063-4

Аннотация

Самая обычная бандитская стрелка и такая же обычная милицейская операция самым необычным образом меняют судьбу двух оперов и отмороженного на всю голову «братка». Уходя от погони, он залетел в пещеру и нажал на спусковой крючок своего «ТТ». Обвал завалил выход из пещеры. Пытаясь выбраться, опера и браток пошли на свет, еле заметный в конце прохода. Но оказался, что выстрел разрушил Забытые дороги – коридоры времени. Вся компания вынырнула в другом мире. А дальше то, что нормальному человеку и в страшном сне присниться не может – добро и силы зла, темные миры, бои, походы, эльфы и гномы, таинственные мечи...

Это – первая книга серии из восьми книг, написанных в жанре русского фэнтези о «попаданцах».

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	55
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Николай Ярославцев

Вождь из сумерек

Глава 1

Хотелось курить. До чертиков в глазах. До изжоги. Но современная братва озабочена своим здоровьем. Почти сплошь ведет здоровый образ жизни. Качает мышцы в спортивных клубиках. Качок на качке. Балуются потихоньку дурью. Глотают колеса. Но запаха никотина на дух не переносят. На раз учуют. Поэтому Стас жевал сухой стебель подорожника, гоня его языком из одного уголка губ в другой.

Место для разборки пацаны выбрали романтическое.

Когда-то здесь проводились пионерские костры, линейки, всевозможные донельзя военно-патриотические зарницы и прочая лабуда из жизни советских школьников.

Окраина города. До ближайших домов, закрытых чудом уцелевшим редким лесом – не меньше версты. Далеко внизу, зарываясь в крутые скалы, змеится река. Над скалами поднимается матерый сосновый лес... Сплошной интим, одним словом, и никакой мокрухи.

Но вот без этого, пардон, в наше время не обойтись. Что мы хуже первопрестольной? И сплошь белокаменной? Или колыбели русской революции? Шалишь! У нас все, как у людей. По взаправдашнему. И братва со стволами. И сферы влияния. И разборки со жмурами.

– А я, Стас, здесь каждое лето в пионерлагере пропадал. Класс! Жаль, что накрылся лагерь. Парню моему некуда будет ездить.

– Так у тебя и парня, Леха, нет. Ты женись сначала.

– Так и женюсь. Заявление подали. Тебя в свидетели возьму.

– А если я в отказ пойду? Скажу, что рядом не стояло, – чуть заметно улыбнулся Стас.

– Только попробуй...

– Все, Леха, заткнись. Кончай базар. В эту пору над рекой даже шепот в городе услышат. Замолчали.

Стрелка эта была подарком судьбы. Или одного из доброхотов-«барабанщиков», готовых за банку пива слить любую информацию.

Несмотря на поспешность, готовились к ней, как к войсковой операции. Дислокация, расчет по минутам. Маски-шоу. Одним словом, все чин по чину.

Только Стас с напарником Лехой не вписывались в эту дислокацию. Собственно, они никогда не вписывались в общие стратегические планы верховного командования, то бишь, руководства их родного Горотдела милиции. У Стаса это, предположительно, проявлялось на генном уровне. У Лехи же эта мерзкая привычка была благоприобретенной еще в те славные и достопамятные времена, когда он только проходил практику в качестве курсанта школы милиции.

Вот и сегодня они заняли свою позицию пораньше, чтобы понаблюдать за развертыванием боевых порядков конкурирующих братков. Приехали на городском автобусе. Прогулялись пешочком. Выбрали уютное местечко. Прилегли за камушком.

– Слушай, Стас, а так уж ли мы должны мешать братве в выяснении отношений? Ну, пусть бы посидели рядом да поговорили ладком. Постреляли бы маленько. Не все же им по воронам да по бутылкам стрелять? А тут и мы бы подоспели. Кого надо погрузили, кто уцелел – повязали. И им хорошо, и нам неплохо. А так, сегодня повяжем, а завтра выпустят. Нам майора не получать.

– Дурак ты, Леха. Нам бы до капитана дослужиться. Помнишь, как один неглупый мужик сказал? Не в банде живем. В государстве. Вот и пусть помнят, что кроме понятий, есть еще и закон. Все. Точка. Едут.

На поляну из-за домов выворачивала вереница «Джипов».

– Заводские... – с непонятной грустью шепнул Леха. – И где только такие бабки берут? Стас выкатил на него глаза.

– Ты что? Фумитокса нанюхался сегодня?

– Да это я так... к слову пришлось.

«Джипы» плавно разом развернулись и выстроились в линию. Умеет братва красиво себя подать.

И сразу же из проулка вынырнула еще колонна. Чужаки. Братва из областного центра, которая уже не первый раз пытается подтоптать местных бандюков под себя.

Из машин выгружались без излишней суеты крутоплечие молодцы в спортивных костюмах. Плечи плавно переходят в шеи. А поверх шеи – стриженная макушка с глазами. Все они в недалеком советском прошлом – завсегдатаи спортивных подвальных клубов, гордости орденоносного комсомола и кузницы современных боевиков криминальных группировок.

– Ну, вот, высокие договаривающие стороны садятся за стол переговоров. Судя по всему, переговоры идут непросто. Думаю, что словарного запаса хватит ненадолго, – прокомментировал Леха. И гордо повернулся к Стасу: – Что я говорил? Перешли на пальцовку.

– Леха, заткнись...

– Так все равно ни черта не слышно. Ну вот, как и ожидалось, прения сторон продолжатся в кулуарах, ввиду ограниченного количества пальцев. Политику во всем мире вершат малоприметные клерки. На передний план выходит...

– Леха!

В воздухе ощутимо запахло жареным. То бишь – мокрухой. Из-под спортивных курток появились стволы.

– И где только берут такие? Мы с «Макаровыми», а у них на руках – сплошной импорт. И заметь, Стас, не дешевый! Чтоб я так жил!

Бурлит в парне казачья кровь, бьет в бесшабашную Лехину голову. Ему бы шашку в руку да буланого коня, да чтобы ветер в ушах свистел. А так ветер свистит пока преимущественно только в Лехиной башке.

Взвыли сирены.

– Вот и маски-шоу! Протокол готов к подписанию.

Железные нервы у Лехи. А язык! Порой сам бы вырвал. И под каблук!

А на стажировку в отдел пришел весь из себя чистенький и опрятный. Все пытался в отделе найти горячее сердце и чистые руки, согласно заветам железного Феликса. И что там еще сказано? Холодный ум? Эх, жизнь!

Над пустырем прокатился первый выстрел.

– Это что там за отморозок? – Леха привстал на колени и приготовился к броску. – Стас, так все царство небесное проспим. Благодарностей не достанется.

– Лежи, торопыга, – успокоил его Стас. – Наслаждайся природой. Наше от нас не убежит, как бы сильно этого ни хотелось. Смотри, какой вечер. К тому же река рядом. А небо? ОМОН работал, как на учениях: «калаш» в зубы, прикладом по загривку.

– Мордой в землю! Ноги раздвинуть. Руки на затылок!

Хоть в новостях по телику показывай.

Несколько братков прорвали оцепление и гигантскими прыжками бежали на них. Прорвутся к реке, а там – ищи-свищи...

– Леха!

Прыжком отлепился от земли. Ударил всем телом в грудь набегающего братка. Перевернул на брюхо. Браслеты щелкнули на запястьях.

Прогремел еще выстрел.

– Леха, берегись!

Но Леха и сам видел, что у братка в руке «ТТ». А эта машинка любой бронник пробивает. Упал на землю. А пока вставал, браток мимо шмыгнул и был таков.

– Все, Стас. Ушел, отморозок, в пещеру. Сейчас со страху, гад, будет на каждый шорох палить, пока всю обойму не выпалит.

Насчет пещеры, правда, громко сказано. Какая там пещера! Нора и грот, метров двадцать длиной. И еще – несколько отнорков тупиковых. Но пацанов в свое время, да и его самого, пещера эта манила так, как сейчас и игровые залы с однорукими бандитами не заманят. Каких чудес только не рассказывали в прежние пионерские времена о тайнах пещеры. Будто и монахи там скрывались при неизвестно каком царе-батюшке. И Пугачевский атаман Чур или Чир, уходя от погони, остановился в них на короткое время, чтобы награбленное золото спрятать. Позднее страсти поутихли. А сейчас даже подрастающие поколения окрестных домов не заглядывают сюда. Пряталки забыты. В войну или казаки-разбойники не играют. Настоящей войны до колик в животе хватает. Даже бомжи почему-то обходят ее своим вниманием. Поэтому вход в пещеру зарос диким бурьяном. И продираться сквозь сплошной репей и матерый татарник, или как его там по научному зовут, даже за золотом пугачевского атамана – охотников отыскать практически невозможно.

Пока Стас ждал омовцев и предавался воспоминаниям о нелегкой судьбе пещеры, Леха уже скрылся в непролазных зарослях.

– Куда, придурок? – крикнул он, совершенно не надеясь, что напарник услышит его, и кинулся следом.

Протиснулся в узкую щель и сразу шагнул в сторону, одновременно обшаривая взглядом пещеру и пытаясь отыскать своего беспутного напарника. В пещере было темно, но света вполне хватало, чтобы, передвигаясь, не спотыкаться.

– Леха, ты где? – негромко позвал недовольный голос. – Не кричи. А то этот отморозок и здесь палить начнет. Эй, братан! Не вздумай стрелять! Мало того, что статью схлопочешь...

Договорить Леха не успел. На голос прогремело сразу несколько выстрелов. В замкнутом пространстве пещеры звук их ничуть не слабее, чем выстрелы орудия главного калибра какого-нибудь крейсера.

За спиной послышался слабый шорох. И сразу же загрохотало. Стас, не раздумывая, прыгнул вперед, поскользнулся на покрытом густой жирной глиной камне и растянулся на дне пещеры. И тут же кувырком – прочь от сыплющихся сзади камней, туда, где должен бы стоять Леха.

Щелкнула зажигалка в глубине пещеры. Мелькнул огонек сигареты.

«Не нервы, а стальные канаты у парня, – подумал Стас и двинулся на огонек. – Хоть бы заматерился для приличия, как и подобает настоящему оперу».

Такое понятие, как тьма непроглядная, было здесь совсем не уместно, поскольку могло внушать еще кое-какие оптимистические надежды. А сейчас же не было ни малейшей надежды разглядеть даже кончик собственного носа. Обвал намертво закупорил пещеру, лишив ее единственного источника света.

Наконец добрался до Лехи. Закурил, сел рядом. В пещере по-прежнему грохотало.

– Притих, гад! – зло пробормотал Леха. – Затаился, сволочь мозжечковая. В пеленках таких душить надо, чтобы не мучились. Что делать будем, Стас?

Стас вместо ответа пожал плечами. А что тут поделаешь? Остается только ждать...

Грохот прекратился, но еще долго слышался шорох, словно кто-то из ладони в ладонь пересыпал песок вперемишку с речной галькой. Наконец прекратился и шорох.

– Ну что, посмотрим на невинную шутку этого идиота? – предложил Стас. – Бумага есть?

– Была записная книжка.

Послышался легкий треск и шорох вырываемой страницы. Снова щелкнула зажигалка. Бумага, скрученная в жгут, вспыхнула.

– Здесь, помню, раньше частенько костры жгли. Посвети. Наверняка остались головешки.

Остатки кострищ и в самом деле нашлись. С трудом от бумаги разожгли обгорелую ветку и осмотрелись.

Пещера наполовину, если не больше, исчезла под завалом.

Леха присвистнул.

– Ну, не обормот ли? Это сколько же времени понадобится, чтобы расчистить выход? Или вход? Я на это, Стас, не подписываюсь. Пусть этот вольный стрелок роет! – Леха строптиво тряхнул головой. И с сожалением добавил: – А я-то как раз на вечер Насте стрелку забил.

– Щас! Раскатал губу, ментяра...

– Живой, гад! Даже не оглох, – беззлобно прокомментировал Леха. – Может, любопытствовать, что здесь и как, пока время есть? Пока не отрыли. Когда еще доведется здесь побывать.

В Лехиной неунывающей душе разожглось уже знакомое нездоровое любопытство, бороться с которым было практически невозможно.

– Негде здесь ходить, – из чисто формальных побуждений возразил Стас. – Тупиковые коридоры по несколько метров длиной... мы с пацанами в детстве часто лазили. А потом бросили. Скучно стало. К тому же, клад так и не нашли. Да и что ты в потемках разглядишь?

Но Леха уже закусил удила и все эти веские аргументы пропустил мимо ушей. В мгновение ока соорудил из головешек костер. Выбрал сук побольше и, высоко подняв его над головой, решительно двинулся в первую попавшуюся щель, руководствуясь только тем соображением, что в ней не надо наклоняться.

Стас обреченно махнул рукой... и остался на месте. Поискал место удобнее, сел и достал новую сигарету.

– Эй, брателло! Выползай из своей норы, – позвал он. Злость у него на братка прошла. Да и из-за чего злиться? Не попал же. – Что ты прячешься, как школьник от маминого ремня после двойки за контрольную по математике? Все, что можно натворить, ты уже натворил. Не накручивай еще больше. Убежать – ты все равно не убежишь. Ты меня знаешь. Не я возьму, так омовцы.

– Не гони пургу, мусор!

– Стас! Сюда! – прервал его душеспитательную беседу изумленный Лехин голос. – Здесь свет!

– У тебя что, глюки начались на почве клаустрофобии? Откуда он здесь возьмется? Я же тебе говорил – второго выхода в этой пещере нет.

– А может, его обвал открыл? – не сдавался Леха.

Стас, понимая, что напарник все равно не отвяжется, неохотно поднялся и поплелся на свет факела, желтеющий в глубине щели. И чуть не ахнул. Вдали и в самом деле мерцало отверстие, не больше метра в поперечнике.

Стасу осталось только покачать головой.

– Ну и счастлив твой бог, Леха. Или Настя твоя за тебя молится хорошо? С первой попытки угадал. Надо будет с тобой кладоискательством заняться, поискать атаманский

клад. Может, не врут про Чурино золото? – повернулся туда, где по его предположению скрывался браток и негромко позвал: – Эй, братан! Выходи! Все равно не спрячешься. ОМОН ждать не будет. Выкурит... черемухой. А может, что и покрепче черемухи для тебя найдут.

Ответа долго не было. Потом послышалось натужное сопение, и в щель заполз виновник их злключения.

– Ствол на землю! – рывкнул Леха. – И ногой ко мне.

Пистолет шлепнулся на землю.

– А ты боялся. – Нагнулся, поднял пистолет и выщелкнул обойму. – Еще два патрона. Гони другую обойму.

– Все отдал. Нет у меня запасной обоймы. Вот маслята россыпью.

Пересыпал в Лехину раскрытую ладонь патроны, как семечки.

Стас молча, с легкой иронической улыбкой следил за актом разоружения братка.

– Все что ли? Я первый. За мной, браток... кстати, как там тебя папа с мамой нарекли?

– Толян...

– Ты замыкаешь, Леха. Пошли. Выходим с поднятыми руками. Маски-шоу – ребята нервные. Сначала палят, а только потом документы спрашивают.

И нырнул в тускло мерцающее отверстие. Ударил в глаза ослепительно яркий свет, в спину подуло холодом. Сквозняки... Почему-то закружилась голова. Должно быть, воздух в пещере застоялся. Повело в сторону... или дернуло?

На пустыре были тихо. Не единой души. А над головой темнело синее вечернее небо.

«Странно, – подумал он, – неужели мы просидели в этой дыре столько времени? Черт возьми! Не могли же они нас бросить!».

И тут у него волосы на голове зашевелились. Стас резко развернулся к отверстию.

– Леха! Назад! – заорал он.

Но было уже поздно. Из травы уже торчала стриженная под машинку голова Толяна. А следом выбирался Леха.

– Ты что надрываешься? Народ переполошишь...

– Какой, к черту, народ! Ты глаза разуй!

Леха выпрямился во весь свой немалый рост. А росту в нем было чуть не два метра, и огляделся.

– Едрена Матрена!

– Она и есть, эта самая Матрена! – зло подтвердил Стас.

И было отчего вспомнить не только Матрену, но и Матренину мать вкупе с отцом, а, может, даже и до бабушки добраться. И там уж, как водится, помянуть всех предков до седьмого колена! Сколько бы их не было в роду. И в соседях.

Перед глазами, насколько хватало глаз, от края и до края, – в смысле, до самого горизонта в любую из сторон, простиралось поле. Не было даже намека на существование в этих местах на ближайшую эпоху не только крупного промышленного города, но даже и крохотной деревушки. Не журчала внизу река. Не торчали скалы в наряде из гордых сосен. А вместо камня, за которым прятались они, поджидая братву, высилась огромная черная гора. И над ее вершиной в дикой ярости полыхали молнии.

– Эй, пацаны! Вы это куда меня затащили? Я так не подписывался! – загудел Толян, в плоской душе которого почему-то зародились беспокойные мысли.

– Назад! – скомандовал Стас, отступая к отверстию. – Леха, вперед!

И зло выругался. Даже в родной армии вряд ли разобрались бы с его командирским распоряжением.

Но Лехой командовать не было никакой нужды. Работая со Стасом, он давно привык к неограниченной свободе в выборе средств и действий, если те не расходились радикально

с концептуальными замыслами Стаса, каковой являлся старшим оперуполномоченным, и таким образом осуществлял руководство их крепким, сплоченным и спаянным коллективом.

Вот и сейчас, пока Стас вырабатывал решение, Леха, не раздумывая над неразрешимым вопросом: вперед или назад ему переть, нашаривал ногой проклятую дыру, от которой не успел еще отойти даже на шаг. Но... дыры не было. Ну не было, и все. Хоть лопни. Хоть тресни. Хоть пополам разорвись.

– Едрена мать!

Стас достал сигарету, щелкнул зажигалкой и глубоко, со всхлипом затянулся. Руки чуть подрагивали.

– Не мельтеши, Леха. Мать, даже Едреная, тут совершенно не при чем. Подними глаза к небу...

– Эй, менты! Кончай базар! Или в обезьянник, или я пошел. И вообще, я требую адвоката! – Толян выпалил на одном дыхании все знакомые слова и сейчас таращил на них круглые негодующие глаза.

Стас, в три жадных затяжки спалив сигарету, тут же закурил еще одну и переглянулся с Лехой.

– И где ты, Толян, таких глупостей нахватался про адвокатов? Телика насмотрелся? А впрочем, не держу. Иди! – и, не скрывая злорадства, нагло улыбнулся. – Иди-иди... обезьянник на сегодня отменяется. Закрыт на переучет. Да и на завтра, мне кажется, тоже.

А у самого мысли в башке... хотя какие, к черту, мысли?

– Леха, что ты думаешь?

– Вообще не думаю. Ты начальник, ты и думай. А я вот лучше этого дебила пристрелю, который загнал нас черт те куда.

Толян пучил глаза и крутил башкой, переводя взгляд с одного на другого.

– Эй-эй! Начальник! У тебя, что башню снесло? Кончай тереть между вами. Об чем базар?

В Лехиных шальных глазах появилась тихая грусть.

– И как такого не застрелить? Ведь всю жизнь мучиться будет. А так, глядишь, Господь и зачтет за доброе дело.

Похоже, Толян по-настоящему забеспокоился и пожалел о добровольно сданном оружии. Но Лехе уже надоели его сосредоточенно размышляющие глаза, он повернулся к Стасу и, забыв о братке, проговорил.

– Я не знаю, Стас, что ты об этом думаешь, но мне кажется, что мое свидание с Настей произойдет не скоро. Вот тот пейзаж за спиной, с украшениями в виде молний, лучшее тому подтверждение.

– Согласен. А потому предлагаю ночь скоротать здесь. А утром уж примем решение. Броники не снимать. Спать вполглаза. А лучше – по очереди.

– А с этим что делать?

– Да ничего. И ствол отдай. Собрался уходить, пусть уходит. Хочу посмотреть, далеко ли уйдет.

Леха безропотно достал «ТТ» и кинул остолбеневшему братку.

– Держи, стрелок-самоучка.

– Пацаны, кончай, в натуре, меня в непонятках держать! Я вам не лох какой-нибудь, а конкретный пацан. Имею право!

– Все равно не поймешь. Лучше для костра горючего натаškai, пока не поздно! – безапелляционным тоном распорядился Стас. – Ну, я кому сказал, шевели батонами!

Леха проводил засуетившийся стриженный монолит взглядом прищуренных внимательных глаз и тихо спросил:

– Как ты думаешь, Леха, это у них форма одежды такая что ли? Центнер дурного мяса вперемешку с салом, и поперх шеи – темя с жующей пастью?

Но Леха пропустил его философский вопрос мимо ушей.

– Стас, ты тоже думаешь, что эта дырка работает по принципу: сюда – пожалуйста, обратно – извините?

Стас поднял глаза к небу и вздохнул.

– Не знаю, Леха. Спроси что полегче. Давай лучше покурим, пока этот интеллеktуал костер гоношит. А все ответы будем утром искать.

Глава 2

Ночью практически не спалось. Лежал, подремывал в полглаза. Слышал, как ворочается Леха. Даже сейчас, очевидно, переживал парень о несостоявшемся свидании со своей сероглазой Настей. И как тут не ворочаться, когда заявление в Загсе лежит. Ворочается. Но спит. А может, не от переживаний ворочается, а оттого, что на голой земле лечь пришлось... А не приведи Господь – здесь, в этой траве, скорпионы бродят и змеи ползают? Неизвестно, на каком свете уснул, и не понятно, на каком свете проснешься. Не хочешь, да заворочаешься. Нет, чтобы разделить со своим боевым другом и напарником груз тяжких размышлений.

А Толян даже не спит. Отдирает, – как говорит соседка, баба Люба. Храп выдает такой мощи и силы, что никаких децибел не хватит для его измерений. Земля дрожит. Завидный характер у парня.

Костер, который его стараниями разожгли, давно погас. Даже остывшую золу свежим утренним ветерком разносит по пустырю. Или это не пустырь, а чисто-поле? В неведомой земле?

Под бронник заползла какая-то мелкая зубастая сволочь. Изгрызла все бока, зараза. И что особенно обидно – не почешешься.

Поднес руку с часами к глазам и посмотрел на стрелки. Странно. Часы словно остановились. Стрелки не продвинулись вперед ни на одно деление. Приложил к уху, послушал... ходят. Потряс над ухом, как у умных людей водится. Механизм работает, колесики тикают. А стрелки даже не дрогнули. Загадка природы!

Показалось, что стало чуть светлее. Встал и для приличия помотал руками в разные стороны, чтобы разогнать застоявшуюся кровь. Осторожно ступая, чтобы не потревожить молодой утренний сон Лехи и братка, направился туда, где предположительно должно было быть злополучное отверстие. Долго всматривался, ощупывал и обшаривал руками. Прополз на коленях полгектара. Безрезультатно! Нет ни входа, ни выхода. Заросло. Затянуло. Как и не бывало!

Сел в траву. Закурил. Подумал, что сигареты надо бы поберечь. Хорошо, что имеет сволочную привычку с давних пор класть в карман по утрам две пачки сигарет. Долго оглядывал горизонт.

Заворочался Леха. Сел, помотал чубатой башкой, приводя себя в чувство.

– Уже куришь? Натощак?

– Извини, – равнодушно улыбнулся Стас. – Завтрак еще не готов.

– Ну, тогда и я без завтрака, – согласился с доводом Леха. Красиво щелкнул зажигалкой, затянулся и выпустил дым кольцами. – Что надумал?

Стас пожал плечами.

– Может, копать начнем? У этого бугая силы, как у танкового тягача. И мы поможем.

– Во-первых, нечем. А во-вторых, наша пещера и эта гора, думается, абсолютно не совмещаются на одной прямой. А если и совмещаются, то расстояние между ними может быть каким угодно...

– Ты так думаешь?

– Можно подумать, что у тебя другая мысль! На часы посмотри. Посмотрел? А теперь обзри бескрайнее небо над головой. Нашел что-нибудь привычное твоему глазу?

Леха кивнул головой.

– Стоят...

– Ой, ли? А ты послушай... А сейчас оглянись по сторонам. Особое внимание обрати на иллюминацию над головой. Это похоже на то, что осталось у нас за спиной, когда мы ломанулись за этим чучелом?

Леха сжал губы и свел брови на переносице. Включил мыслительный процесс.

– Версии?

– Какие версии? Ты пока дрых, я в поисках этих версий на коленках чуть до вершины не дополз!

– Так не сидеть же здесь!

– Вот в этом ты прав, мой дорогой напарник. Только в каком направлении не сидеть?

Леха вскинулся на ноги и завертел головой, оглядывая незнакомые просторы.

– А вон, кажется, тропа или позабытый проселок, – указал он рукой. – Куда-нибудь да выйдем.

Из травы поднялась стриженная голова.

– Эй, пацаны, кончай пургу гнать. Чет я не как не въеду в ваш базар. Мне домой надо. Какой проселок? Я согласен, типа, на чистосердечное!

– Все, Толян, – Леха не мог упустить такой возможности порадовать братка. – О доме забудь. О дружбанах – тоже. И чистосердечное писать не надо. Амнистия. Вступаешь на светлую и длинную дорогу новой жизни.

– У тебя, опер, в натуре крыша протекает что ли? Какая светлая дорога? Ищем дыру и ползем обратно. Там уже конкретно спасают...

– Про башню и про крышу ты вчера уже упоминал. Это не актуально. Порадуй чем-нибудь новеньким. Можешь даже телегу, Толян, самому прокурору накатать. Так, мол, и так... спешил сдать наш доблестным правоохранительным органам, но... Сколько классов закончил? – Леха внимательно всмотрелся в размышляющее лицо братка и уверенно закончил: – Можешь не отвечать. Сам понял, что девять. Справишься. А мы пойдем. Жаль, только заявление до адресата не дойдет. Почтового ящика не видно.

И не дожидаясь, пока Толян переварит полученную информацию, подошел к Стасу.

– Идем?

– Пошли.

И, оставив Толяна в состоянии тяжкого раздумья, они зашагали в сторону проселка.

Шли молча, бездумно глядя себе под ноги.

– Представляешь, Стас, хохму. Завал расчистят, а нас там нет. Шеф умрет от ярости. У тебя сколько дел в столе осталось?

– Ты лучше думай, что Настя скажет, – равнодушно ответил Стас. – Шеф переживет. А вот Настя!

– Даже думать не хочу. Полный абзац. И заявление подали. И свадьбу назначили...

За спиной слышались торопливые шаги.

– Начальник, я с вами. Что мне там сидеть? Откуда им знать, в какую сторону мы пошли? Пока все щели, в натуре, обшарят... – Мысль вильнула в сторону, и он совершенно естественно переключился на другую тему: – Жрать охота.

– Вот с этим, друг ты наш Толян, труднее. Стекляшка на горизонте не просматривается, – Леха ехидно посмотрел на парня. – Хотя, тебя неделю можно смело не кормить. Внутренних запасов хватит.

С юмором у Толяна было туго, и он обиделся, надолго замолчав, – так подумали опера. Но не Толян. Решив, что характер свой проявил в полной мере, он подкатился с новым вопросом, поставившим их в тупик.

– Начальник, – Толян поравнялся с Лехой, который почему-то вызывал у него больше доверия и, доверительно заглядывая в глаза, спросил: – Типа, день уже, а все как ночь?

Леха опешил от неожиданности и остановился.

– Ну, Толян! Ну, голова! А и в самом деле, Стас, если судить по состоянию аппетита – дело должно продвигаться если не к обеду, то к полднику уж точно... или как там называется эта штука между завтраком и обедом. А ночь, вроде как, и не думает кончаться.

– Вопрос не ко мне. Я мент, а не физик. Толян, не трать энергию понапрасну. Когда ты думаешь, твой организм съедает все, что сохранилось в твоём желудке от вчерашней трапезы. Что для тебя сейчас важнее? Мозг? Или остальной организм?

Выбор был невелик. Но над этим стоило подумать, и Толян на какое время предался размышлениям.

Зашагали снова. Толян, весь с головой ушедший в размышления, отстал, так как делать два дела одновременно, как оказалось, для него было не под силу.

– И все-таки, что это за последний день Помпеи у нас за спиной, Стас?

– А тебе не все равно?

– Да как бы нет... К тому же получка скоро.

– На депонент переведут. Знаешь, сколько накопится? Сразу колеса купишь. Как у этого крохи.

– Спасибо. Ты настоящий друг. Утешил.

– Да ради Бога. Не жалко. Ты, Леха, лучше вон туда посмотри, – небрежным жестом он указал вперед и чуть в сторону.

– Ну, смотрю, – равнодушно отозвался Леха. – И что я должен там разглядеть?

И тут же подавился слюной.

– Только без эмоций, – предупредил Лехино богохульство Стас. – Что видишь?

– Вроде бы что-то вижу, – неуверенно произнес напарник.

– Ты кота за хвост не тяни. Говори по существу. Что-то и я вижу. На тебя Толян плохо влияет?

– Что Толян? Чуть чего – и сразу Толян! Лучше бы я вчера маскам сдался!

В руках у парня сотик, а на лице – крайнее изумление.

– Хотел с пацанами по трубе связаться. Думал, у них узнаю, что и как...

– Ну и... – опера переглянулись.

– Не отвечает. Аккумулятор полный – перед самой стрелкой на зарядку ставил, а не отвечает. Что характерно – труба новая. Неделью назад купил.

Широко раскрытые обиженные глаза смотрят на Стаса доверчиво и открыто.

– Ладно, Толян. Не бери в голову. Обули тебя, наверное, такие же братки, как и ты сам.

– Так я же их, как вернусь, на фарш пуцую! – возмутился Толян. – Порву, как Тузик тапки.

– Не переживай, Толян, – шутит Стас, – не дотянули сюда еще соты. «Вне пределов досягаемости...» Зачем тебе мокруха?

Хотя Стас и не пользовался доверием братка, но на сей раз ответ его вполне удовлетворил. Он хрюкнул и уставился туда же, куда глядел Леха.

Впереди проступали очертания города. Или геометрически правильное нагромождение скал...

Зашагали быстрее. Километр. Два... Леха измерял расстояние шагами. Город, или что там было, не приблизился ни на шаг. Толян пыхтел, как паровоз. Еще немного, и рухнет в траву, не выдержав борьбы с изнуряющим голодом.

– Зря, пацаны, мы в эту сторону рванули. Это похоже на марьяж. Я такую беду у таджиков видел, когда в командировку мотался. И в школе рассказывали. В пустынях, где воды мало, всегда марьяж показывает. Человек идет, идет и раз... кони бросил. – Поскреб ногтем стриженную под «ноль» голову и уточнил: – В смысле, лапы подрезал.

Леха остановился, как вкопанный.словно на каменную стенку налетел. Повернулся к братку и с огромным нескрываемым интересом выкатил на него глаза.

– Толян, я тебя умоляю!

– Леха, не вяжись к пацану, – Стас спрятал улыбку в уголки губ. – Откуда ему знать такие тонкости? А вообще, может быть, он не так уж и не прав. Устами младенца глаголет истина.

– Хорош младенец! В нем одного дурного мяса центнера полтора. Не считая сала и костей.

– Ну, и зачем ему тогда мозги? Толян, может, ты хочешь вернуться?

Толян, так и не успевший обидеться, на всякий случай снова всхрипнул, но отрицательно замотал головой.

– Нет уж. Впутали меня в эти заморочки, так и выпутывайте сами. Я тут не при делах. С вами пойду.

Зашагали снова. И выпрыгнули в пронзительно солнечный день. Над головой в зените – ярко брызжащее светом и теплом солнце. За спиной – непроницаемая тьма; в глубине ее сверкающие автогенном молнии, в отблесках которых можно было рассмотреть мрачные контуры черной угрюмой горы.

А в какой-то полусотне или сотне шагов нависла над равниной могучая средневековая крепость.

– Ни хрена себе навороты! – выдохнул Толян. – Откуда эта ископаемая?

На этот раз Леха промолчал. Он и сам не сумел бы выразить свои чувства точнее. Ископаемая и есть...

Высоченные стены, сложенные из неподъемных, грубо отесанных камней, вонзились в землю, уперлись в нее грозными сторожевыми башнями, глядя во все стороны прищуренными бойницами, нахохлились вороньими гнездами, из которых в любую минуту могли, того и гляди, выпорхнуть стрелы и болты арбалетов. А над всем этим грозным величием, над исполинскими стенами, дыбились башни цитадели – последний оплот защитников крепости, с выцветшим и выгоревшим на солнце стягом.

– Улет! – Толян не смог удержаться от емкого комментария. – Я по виду такую хохму видел. Стас покосился в его сторону, но промолчал.

Долго стояли, всматриваясь в проемы бойниц, в узкие промежутки между зубцами и ожидали, что вот-вот плеснет в их сторону поток из сотен стрел. Но крепость молчала. И только на площадках сторожевых башен маячили одинокие фигурки часовых, словно не желающих замечать их появления.

Стас сделал осторожный шаг вперед, и сразу же ворота въездной башни распахнулись, и навстречу вылетел отряд из нескольких, закованных в полный рыцарский доспех, всадников. Выставив вперед копы со сверкающими на солнце наконечниками, они тяжелой неторопливой рысью направились в их сторону.

– Стас! Не знаю, как вы с Толяном, но я вовсе не настаивал, чтобы хозяин встречал меня на пороге, – прошептал, останавливаясь, Леха, и потянулся к кобуре с пистолетом. – Я человек не гордый и, сам знаешь, привык своей рукой двери перед собой открывать. Или ногой... что, порой, предпочтительней.

Стас вздохнул и шагнул вперед, как и подобает офицеру-руководителю. Черти бы взяли эту ответственность! Затем поднял правую руку, привлекая к себе внимание всадников. Но те неслись на них, даже не помышляя останавливаться.

И он прыгнул в сторону. Еще быстрее оказался Леха. И только Толян все стоял, широко открыв рот, и восторженно смотрел на эту необычную группу.

– Прыгай!

Но прыгать было уже поздно. И Толян сделал то единственное, на что оставалось еще время. С неожиданной для его комплекции кошачьей грацией, он шагнул в сторону, сделал

пол-оборота направо и двумя руками ахнул в закованный панцирем, лошадиный бок. И... растянулся пластом на земле.

– Не понял! – с нескрываемой обидой в голосе проревел он, прыгнув на ноги и нащаривая взглядом обидчика. Но рядом уже никого не было. И он снова повторил то единственное, на что был способен в эту минуту: – Не понял!

Леха поскреб у себя за ухом.

«Марьяж и есть. Прав Толян, – хотел сказать он, но раздумал. Не сказал. – Стас за это бабки получает, пусть он и шевелит мозгами».

Но Стас с выводами торопиться не стал. Задумчиво посмотрев в сторону стряхивающего с себя пыль Толяна, он снова вздохнул и, не сказав не слова, двинулся в сторону все еще распахнутых ворот.

– Не ушибся, болезный? – услышал он за спиной полный сочувствия голос Лехи. Не удержался-таки парень, чтобы не уколоть Толяна. – А ловко он тебя уделал! Ты и не ожидал? Да ты не расстраивайся. Командир наш еще шустрее оказался. Вон как сиганул в сторону. От бандитской пули так не шарахался, как от этого железного дурака прыгнул.

Не может Леха жить без того, чтобы не залезть под кожу. Отца родного не пожалеет.

– А сам то! – не остался в долгу Толян.

– Так и я не рыжий. Что я, хуже вас что ли? А ты заметил, Толян, куда они поскакали?

Толян кивнул головой.

– Туда, откуда мы пришли. Только кого они там искать собрались? Мы-то здесь, а больше я там никого не видел.

– Глубокая мысль! Уважаю. Я тоже это заметил. Вот, только, почему я не слышал конского топота? А? Толян?

– Тут и думать нечего. Крыша со страху поехала, – убежденно ответил Толян. – У меня у самого очко заиграло, когда он на меня наехал. То иголка не пролазит, а то кирпич целиком проскакивает.

Леху, казалось, убедил простой и ясный ответ братка, и он замолчал, упершись немигающим взглядом в спину своего боевого друга и напарника. Но долго молчать он не умел. А хуже всего – не хотел.

– А ты что думаешь, Стас?

– А я вообще не думаю. Мне за «думать» не платят, – нехотя пробубнил тот в ответ. И остановился перед воротами.

Леха, бросив Толяна, привычно встал рядом.

– Да, начальник, ОМОН вызвать практически не возможно. Придется входить первыми. – Посочувствовал-таки, подлец. Вырастил на свою голову! – А давай, Толяна вперед пустим? Мы с тобой вполне за его спиной вдвоем укроемся.

– А че это сразу меня? Я вашим ментовским штучкам не обучен. На меня и так лошадь чуть не наехала! – возразил тот.

Но Леха не унимался.

– Так не наехала же. Вот, если бы наехала, тогда другое дело. Тогда бы это квалифицировалось, как производственная травма. А еще лучше – дорожно-транспортное происшествие. И ты мог бы даже потребовать по суду компенсацию за нанесенный твоему здоровью ущерб.

– И сколько? – Толян наморщил лоб.

– Все зависит от того, куда бы она своим копытом тебе наступила. Но, друг мой, об этом поздно подумал. Поезд ушел. В смысле, лошадь ускакала! А мог бы крутые бабки ни за что срубить!

– Так хотела же! – парень с пристрастием оглядел просторную переднюю часть своего туловища, пытаясь угадать, куда бы она могла наступить ему своим кованым копытом.

– А кто подтвердит? Лошадь-то ускакала. Фиг ее догонишь. А догонишь, разве сознается? Конечно, можно было бы за моральный ущерб предъяву сделать! Но как? Свидетелей нет! Стас в это время мордой в траве лежал и вряд ли что видел. Я по другую сторону примерно ту же позицию занимал. И только ты геройски отражал нападение превосходящих сил противника в лице означенной лошади и того железного дурака, который сидел на ней.

Стас досадливо поморщился. Поймет простодушный парень рано или поздно, что оставили они в той клятой пещере все свои права работников славных правоохранительных органов вместе с обязанностями и... пропала Лехина озорная морда. Вместе с зубами. А со стоматологами здесь наверняка трудности.

Будь, что будет. Снял пистолет с предохранителя, передернул затвор, загоняя патрон в патронник, и шагнул вперед, охватывая взглядом все пространство крепости на 180 градусов.

В крепости – обычная гарнизонная суета. Снуют бойцы между приземистыми каменными казармами. Отличить их от иного люда нетрудно по одежде и по другим характерным приметам, присущим только военному человеку. На широкой площади перед цитаделью или замком, – хоть как его назови, все едино, – возы да лотки с товаром. Привезли из соседних деревень мужики всякой всячины и пытаются сбыть свой товар поскорее, чтобы засветло вернуться домой. Между ними редкие покупатели мельтешат. Торгуются до хрипоты, цены сбивают. Как везде. И как всегда. Как было. Как есть. И как будет. У обглоданных коновязей лошади. И ни дьявола не слышно. Строевые и рабочие. Лениво хрупают сено, изредка отбиваясь хвостом от назойливого гнуса.

А их словно и не заметили.

– Они что, все здесь ослепли что ли? – прошептал в ухо Леха. – Мы же, можно сказать, по парадной лестнице поднялись...

– А ты обиделся что ли? Так трахни кулаком по столу. Или Толяна попроси. У него лучше получится, – недовольно отозвался Стас.

– Трахнул бы. Если б стол нашел.

– А ты по воротам. Смотри, сколько на них железа. То-то грохоту будет! – усмехнулся Стас и, пряча пистолет в кобуру, зашагал к возам.

Что-то сообразив, Толян вырвался вперед.

– Пацаны, я голый. Мы на стрелку бабки не берем. Вернемся, отдам. Вон, на той телеге даже живые гуси продаются. А рядом мужик окорок продает. Яички... У меня, как бы, сразу брюхо свело.

Лехины косматые брови поползли вверх.

– Забожись!

Но поймал на себе грозный взгляд Стаса и умолк.

– Не будет вам здесь ни гуся, ни цыпленка. И даже дохлой курицы не получим. Мираж. Фантом. Призрак. Как Толянова лошадь. Не веришь? Смотри... – и шагнул навстречу спешащей куда-то с корзиной в руках пожилой женщине.

Леха и Толян замерли, в ожидании возмущенного крика и всевозможных ругательств, достойных эпохи средневековья. И, может быть, даже с легким мордобоем. Но ничего не произошло. Словно не заметив Стаса, женщина прошла сквозь него и скрылась в дверях одного из домиков, лепившихся почти вплотную к крепостной стене.

– Поняли? Или еще доказательства нужны? – спросил он, пытливо заглядывая в их лица. И зло, почти с ненавистью, добавил: – Призрак!

Постоял, задумчиво глядя себе под ноги, и напрямую, через торговые лотки, казармы и свинцово серые крепостные стены, ссутулившись, зашагал прочь из крепости.

За ним очень резво заспешил Толян, с сожалением поглядывая на оставшегося нетронутым гуся и прочую снедь, которую по неизвестным причинам нельзя пустить в дело. Не

меньшее сожаление вызывали и круглые караваи подрумяненного хлеба. И кувшины с молоком, и аппетитные круги колбасы, которые должны бы были источать на всю площадь запах чеснока, но почему-то не источали. Могучий желудок уже не пел, а рыдал на все голоса. Страдальчески морщась, Толян рванул вслед за Стасом, проклиная ту злосчастную минуту, когда черт подбил его на роковой выстрел из пистолета. Отчаяние его было так велико, что, стой перед ним стена из настоящего камня, он и через нее прошел бы, лишь поскорее убежать от картины преступно вызывающей средневековой еды.

Разочарование Лехи было не меньше, но он был более привычен и приспособлен к тяготам и лишениям оперативно-розыскной деятельности. К тому же привык доверять решениям своего старшего напарника, а поэтому он легче Толяна превозмог стенания своего желудка и, постояв в задумчивости ровно столько, чтобы показать, что и у него кое-какие мыслишки водятся, кинулся за ними вдогонку.

Но Стас шел, не останавливаясь и не оглядываясь по сторонам. А поглядеть было на что. Длинные пологие холмы, чуть заметно поднимающиеся над равниной, были сплошь усеяны разноцветьем. Такой яркий праздничный наряд редко встретишь сейчас на родном его Урале. Купавка стала такой редкостью, что занесена в Красную книгу. А эта первобытная или первозданная краснота слепила глаз. Далеко слева на фоне нестерпимо голубого неба, отливая синью, красовалась великолепием формы одинокая гора, словно снятая с картин Рериха. Увидел бы, если бы посмотрел вокруг.

Но он шел, видя перед глазами только носки собственных поношенных кроссовок. Леха поравнялся с ним и несколько раз пытался с ним заговорить, но Стас пер и пер вперед, даже не поворачиваясь к нему.

Наконец остановился и обвел их жестким требовательным взглядом, как он это умел иногда делать. Такой взгляд в их родном отделе не каждый мог выдержать, даже если на погонах звездочек было больше.

– Привал! Надо отдохнуть, прежде чем пойдем дальше. А заодно и обсудим наше положение, – распорядился он и первый повалился в траву, утонув в ней с головой.

Леха с Толяном переглянулись. Но оспаривать его решение не стали. Стас тем временем достал сигарету, щелкнул зажигалкой, затянулся и с отвращением поморщился. На голодный желудок дым горчил. Посмотрел сквозь пластмассовый баллончик зажигалки и повернулся к Лехе.

– Дай-ка мне свою зажигалку, – попросил он, вытянув руку с раскрытой ладонью.

Не задавая лишних вопросов, Леха молча вложил в его ладонь свою зажигалку. Так же молча Стас встряхнул ее перед глазами и положил в свой карман. Леха пожал плечами, но зажигалку назад не потребовал, ожидая, что скоро само собой все разъяснится.

Но Стас молча курил, бережно стряхивая пепел за спину. Толян елозил на заднице, раскормленное брюхо никак не хотело помещаться между поднятых коленей, и жалобно поглядывал то на одного, то на другого.

Докурив сигарету, Стас тщательно вдавил ее в землю и поднял глаза на своих непривычно молчаливых спутников.

– Вот что я хочу вам сказать, друзья мои. То, что было вчера, вы помните. То, что есть сегодня, видите... – помолчал, глядя на букашку, неторопливо ползущую по листу ярко красного цветка, и чуть слышно закончил. – А того, что будет завтра, не знаю ни вы, ни я, но знает лишь Господь Бог.

– Ты к чему это гнешь, Стас? – осторожно спросил Леха и наткнулся на холодный внимательный взгляд.

– Я тоже не врубаюсь... – заикнулся Толян. И поперхнулся, поймав на себе такой же взгляд серых глаз Стаса.

– Леха, ты наверняка знаешь, что в свое время мне пришлось уйти по известным причинам с четвертого курса физмата, причем перед самой летней сессией. За что и как, не суть важно.

– Ну, знаю. Хотя не пойму, к чему ты клонишь.

– Очень хорошо. Значит, ты догадываешься, что, кроме уголовного кодекса, я иногда по старой памяти листаю еще и иную литературу на ночь. Есть такая дурная привычка, знаешь ли.

– Стас, не тяни! А то ты как в том анекдоте про полковое знамя...

Толян наострил ухо и уже хотел попросить Леху рассказать этот анекдот, но Леха нахмурил брови и парень передумал.

– А к тому, дорогие мои спутники, что домой мы уже вряд ли вернемся в обозримом будущем. Да и в необозримом – тоже... Я ведь не зря тебе, Алексей, показал звездное небо. По крайней мере, его кусочек. Ничего общего с тем, что ты видишь над головой, возвращаясь домой, нет. Отсюда вывод... Но с этим мы повременим.

– Ты думаешь, что...

– Я же сказал, с выводом мы повременим. Хотя первое, что приходит в голову, так это всяческая чушь про временные туннели, эффект «червя» и прочая, прочая, прочая.

– А этот умник, – Леха кивнул головой в сторону Толяна, – бабахнув с детской непосредственностью, обрушил не только нашу скромную пещеру, но и, как я понимаю, эту «временную» беду.

– Примерно так, – неохотно отозвался Стас.

– Так, может, не следовало удаляться от этой злополучной полыхающей горы? Дождались бы ремонтников... и обратно.

– Вряд ли. Система самовосстанавливающаяся. Иначе мы и в самом деле могли уйти обратно. А ворота за нами захлопнулись быстрее, чем Толян ноги оттуда успел выдернуть. К тому же неизвестно, как бы отнеслись к Толянову хулиганству означенные тобой «ремонтники». И закончим на этом. Речь о другом.

– Пацаны, кончай ботву тереть. Жрать охота! – взмолился Толян, окончательно обалдевший от свалившейся на его бедную голову всякой всячины.

– Толян прав. Еще сутки, и мы протянем ноги. Судя по обилию цветов, где-то недалеко должна быть река. А река в любом случае – это люди.

– А как же крепость? – Леха хватил себя ладонью по лбу. – Ведь откуда-то появился этот самый марьяж Толяна?

– Леха, спроси что-нибудь полегче. Крепость, может, была, а может – и будет. Может, здесь, а может, за тридевять земель. Но, во всяком случае, коснись это меня, я бы тоже ее поставил на этом месте. Или сдвинул ее чуть глубже.

Леха удивленно поднял брови, но с вопросом опоздал. Стас поднялся, бросил хмурый взгляд на чернеющее за спиной огромное пятно в огненных всполохах, сплюнул и зашагал прочь.

– Стас, зажигалку верни, – скромно напомнил он.

– Пользоваться будем одной. Спичек нет. А сколько дней нам придется болтаться неприкаянными по этой земле – неизвестно. Беречь надо. И патроны тоже. Наше счастье, если парадокс Толяна и в самом деле существует. Кстати, часы снова заработали. Солнце в зените, можешь поставить на 12.

Глава 3

Шли еще три часа, пока не вымотались окончательно. Трудней всего приходилось Толяну. По круглому лицу пот в три ручья. Спортивная куртка потемнела от пота. Но держался молодцом. Леха несколько раз пытался избавиться от своего бронника, но, поймав на себе строгий предупреждающий взгляд Стаса, скоро оставил эти попытки. Легче всего было Стасу. Сухой, поджарый, он шагал и шагал, казалось, совсем не зная усталости, лишь изредка бросая внимательные взгляды на товарищей по несчастью.

– Потерпите немного, – наконец приостанавливаясь, сказал он. – Вон, видите, зеленая полоска. Я так понимаю, что это лес. Там и остановимся.

Толян тяжело вздохнул, но деваться было некуда, и поплелся дальше. Леха понимающе кивнул головой и пожал плечами. Терпеть, так терпеть – понял Стас и повернулся к Толяну. Как бы не раскис. Сыроват мальчик.

Лес, приближаясь, медленно вырастал перед их глазами.

Вдруг Стас остановился, замер и поднял руку.

– Ложись! – шепотом скомандовал он и бесшумно повалился в траву. – Толян, дай мне свою пушку. Да, не бойся. Верну. Там козы... а с моим «Макаровым» на охоту не ходят.

Толян безропотно вложил в его руку свой пистолет и Стас ужом ввинтился в густую траву.

«Ловок, дьявол! – с завистью подумал Леха. – Работает, как пластун. Вот что значит – горячие точки».

Биография у Стаса была мутная. Знали о нем только то, что он сам говорил. А говорил он мало. Пожалуй, если кто-то и знал о нем больше, так это милицейские кадровики. Но эти ребята не из разговорчивых. Но горячие точки были. Это точно. Еще во время стажировки слышал, что Стас перешел в опера из областного спецназа после ранения. А, может, и не из областного... Так говорили.

Хлопнул выстрел и сразу же – еще один. Метрах в ста от них из травы показался Стас. Постоял, взмахнул рукой, подзывая их к себе.

Бежали, запинаясь о густую траву, торопясь быстрее взглянуть на охотничью добычу. Стас встретил их растерянным взглядом.

– Вот незадача. А чем мы его разделывать будем? – указал он на козленка. – У меня ножа нет.

Глотая слюну, Толян запустил руку в карман и спустя мгновение подал складной нож в нарядных накладках.

Стас взял нож, вернул ему «ТТ» и негромко распорядился.

– Тащи его к опушке. А ты, Леха, займись костром. За мной охотничье жаркое. Правда, без соли. Но, по слухам, соль употреблять вредно. Считайте, что сели на бессолевую диету.

Через час на опушке пылал костер, а в воздухе стоял густой ароматный запах печеного мяса. Не мудрствуя лукаво, Стас запек его на импровизированном вертеле, распластал ножом на огромные куски под нетерпеливые взгляды Лехи и Толяна, и выложил на широкие листья лопуха. А может, и не лопуха. Их желудки уже не стонали, а слезно выли, и поэтому ботанические тонкости оставили без внимания.

Ели жадно, глотая слюну и пьянящий сок, слизывая жир и кровь с ладоней, чавкая и сопя от наслаждения.

– А знаешь, Стас, что-то в этом средневековье есть. Мне кажется, я начал понимать этих поганых феодалов, которые так отчаянно цеплялись за свое темное прошлое. – Леха, урча от восторга, вгрызся крепкими зубами в кость, сдирая с нее последние кусочки мяса. –

И понял бы их еще лучше, если бы на месте этого жалкого козленка оказалась его родная мамаша.

– А против папаши у тебя есть какие-то возражения? – усмехнулся Стас.

– Признаюсь, к его папе отношусь с подозрением по этическим мотивам, – Леха брезгливо искривил губы и с отвращением передернул плечами.

– И по каким же? – на абсолютно человеческом наречии, делая судорожное глотательное движение, изумился Толян.

– Козел, он и есть козел, – серьезно ответил Леха, сыто щуря глаза, и повалился в траву. – Сейчас бы еще сквознячок устроить минут на триста. Как ты думаешь, командир? Спешить некуда. Все оперативки в прошлом. Толян, ты не против?

Толян в ответ проурчал что-то маловразумительное и абсолютно нечленораздельное, и повалился рядом.

– Сейчас бы еще...

– Толян, я тебя умоляю! – взмолился Леха. – Только не говори, что тебе срочно необходим глоток воды.

Глаза закрывались от сытости. Их начало клонить ко сну. И сопротивляться этому желанию не было сил. Первым отчаянно захрапел Толян. Спустя короткое время его бодро поддержал и Леха. Дольше всех крепился Стас. Но и он сопротивлялся не долго. Веки отяжелели и закрылись само собой. Усталость брала свое.

Проснулся он от щемящего чувства беспокойства. Такое с ним случалось не часто. Но чувство это его еще никогда не подводило. В уши ворвался приглушенный конский топот. Привстал на колено и поднял голову над травой. На них во весь опор неслись с десятков вооруженных всадников. Ярko горели на солнце кольчуги. Мерно покачивались лезвия копий.

– Подъем! – прошипел он. И, не дожидаясь, когда откроются глаза, хватил того и другого кулаком. – Ползком в кусты. Быстро!

Одуревшие от сна и разомлевшие от жары парни, мало что понимая, покатились в кусты.

– Сдурел, что ли? Идиотом спросонья мог сделать, – запоздало обиделся Леха и, только сейчас заметив опасность, ахнул: – Что делать будем?

– Когти рвать надо, пацаны, – убежденно посоветовал Толян.

– Долго не пробегаем. Они верхом, все равно догонят. К тому же, нам рано или поздно на контакт выходить надо. Как говорит наш психолог, нужна социализация. Или сначала легализация? Что важнее, Леха? Без команды не палить! Толян! Пальнешь, сам тебя пристрелю.

И не торопясь, поднялся из травы, держа пистолет в левой руке за спиной. Леха знал, что Стас одинаково ловко стреляет с обеих рук.

Словно не замечая поднятой руки, всадники неслись во весь опор. Вот передний приблизился уже на удар копья, лезвие которого нацелено в его, Стаса, грудь. Стас успел разглядеть бородатое, суровое лицо с прищуренными глазами. Рогатый шлем с оскаленной волчьей мордой поверх него. Или это не рога, а волчьи уши?

«Представление придется отложить на потом, – мельком подумал он. – Говоря Лехиным языком – прения сторон не открываем».

А тренированное тело уже отклонилось в сторону, пропуская мимо разящий удар. Разворот на пятке. Ладони сжимают древко. Или ратовище? Так, кажется, оно называлось у наших далеких предков. Осталось немножко подправить его движение. Теряя опору, противник с грохотом валится на землю. А тем временем два стремительных шага вперед, конец копья в землю, толчок – и тело летит навстречу подставленному круглому щиту. Удар двумя ногами, помноженный на удвоенную скорость, и новый грохот засвидетельствовал еще одну

встречу с землей. Сейчас кувырок вперед, левая нога на колено и два выстрела в качестве заключительного аккорда. Патроны надо беречь, сам велел. Подчиненным пример надлежит показывать. С одной железной шапки рог долой, а вот у этого паренька наконечник копья туда же, вслед за рогом.

Леха с замиранием сердца и жуткой завистью следил за его акробатическими этюдами из кустов. Рядом что-то бубнил Толян.

Повернулся к нему.

– Ты что?

– Сталлоне рядом не стоял! Как в кине!

– погоди. То ли еще будет. Стасу дай только во вкус войти!

А Стас уже снова стоит с высоко поднятыми над головой руками. На среднем пальце, зацепившись спусковой скобой, висит его «ПМ». Висит, но так, что из него в любую минуту можно начать палить во все стороны.

– Эй, ребята! Давайте поговорим! – слышит Леха его миролюбивый голос. – Мы не хотим с вами драться.

В двух шагах ворочается на земле, стараясь подняться, мужик с волчьей харей на железной шапке. Правда, шапка уже не на голове, а рядом с ним валяется. Немного дальше второй от изумления в себя прийти не может. Этот, похоже, еще долго изумляться будет. Ноги Стаса выбросили его из седла метров на пять, да еще против движения. Остальные замерли в не меньшем изумлении, произведенном на них то ли решительными действиями Стаса, то ли пальбой из пистолета. Быстрота, с которой все было проделано, повергла бедняг в шок. Ничего не скажешь, умеет Стас убеждать.

– Все, Толян! Наш выход! – потерял терпение Леха и выполз из кустов, передергивая затвор своего пистолета.

За ним, ломая кусты, появился Толян.

Стас оглянулся на Леху, укоризненно покачал головой и, шагнув вперед, протянул руку волчьеголовому. Мужик шарахнулся от него в сторону.

– Демон! – крикнул, как слышалось Стасу, он и попытался отползти подальше.

– Да перестань ты, – недовольно поморщился Стас. – Где ты такой дури нахватался? Сам посмотри... какой из меня демон? Обыкновенный мент Стас Волков. Можешь считать, что прибыл в командировку. Ты только скажи своим ребятам, чтобы железом не махали. Нас этим не возьмешь. А у вас, наверняка, неприятности будут. Давай, давай руку. Ломаешься, право слово, как девочка.

Убеждал, как ребенка, нес всякую околесицу. И вроде бы помогло. Мужик подал руку, уперся другой в землю и поднялся на ноги. Был он на ладонь выше Стаса и просторен в плечах. И, может, поэтому долго смотрел на него исподлобья, соображая, как мог приключиться с ним такой конфуз. Затем повернулся к своим и что-то гневно прокричал. Стас насторожился, вслушиваясь в незнакомые, и вместе с тем знакомые звуки. Какая-то дикая галиматья из старославянских, украинских, польских и еще каких-то непонятных слов.

– Леха, ты ридну мову не забыл еще?

– А я на какой балакаю?

– Ты же хвастался, что твои предки с Кубани на Урал приехали.

– Так когда это было! И не приехали. А пригнали. Еще при царе Алексее Михайловиче. За участие в восстании Степана Тимофеевича Разина. Вспомнил тоже. К тому же моему далекому пращуру за антиправительственные выступления, говоря языком Уголовного кодекса, вырвали ноздри. Так его и звали Рваной ноздрей, хотя прозвище он носил знатное... Вострая сабля. Врубаешься? Осип Вострая сабля! От него и фамилия наша пошла – Востросаблины. А еще и Осиповы. Даже деревня такая была. С церквушкой. А что?

– Село. Если с церквушкой, то село, – поправил его Стас. – Хотя подробности можешь опустить. Попробуй лучше поговорить, может, и получится что-нибудь.

Леха почесал затылок и выдвинулся на передний план.

– С чего начинать-то, начальник? – осторожно спросил он.

– А с чего хочешь. Хоть с анекдота. Да перестань ты крутить! – рассердился Стас. – Считай, что допрос ведешь.

– Так бы и сказал сразу... а то кричать начал.

Беседа продолжалась долго. Стас стоял рядом и молча курил, пытаясь понять содержание беседы, но потом махнул рукой на это непонятное дело и принялся незаметно разглядывать стоящих в сторонке ратников.

Были они мужики нехилого сложения. Слабак столько железа на себе не утащит. А на каждом из них – добротная кольчуга до колен. И поверх нее железных полос нашито по десятку, не меньше. Щиты, чуть не в метр в поперечнике, держат на левой руке. А щит, наверняка, собран из крепкого дерева, обтянут бычьей кожей и поверху окован стальными полосами. В стремя конец копья упирается. Слева у ноги – меч в добротных ножнах. Вот это зря. Во время скачки по ногам хлещет и коню лишнее беспокойство. У всех луки к седлам приторочены и тулы со стрелами. Луки короткие, чтобы с седла стрелять можно. Наборные, роговыми пластинами усилены. Большой беды от такого лука надо ждать, коли в крепкие руки попадет. Если все обойдется, попробуем на крепость наши бронники. Похоже, в дальний поиск ребята собрались. Сухой паек с собой везут. У каждого фляга с водой... литра на три.

– Стас, – Леха вмешался в его наблюдения, – здесь недалеко стоит их крепость. Типа пограничной заставы. А идут они дозором к Сумеречной горе.

– К какой горе?

– К Сумеречной... Потому что над ней всегда сумерки стоят. И вот уже несколько суток эта гора сверкает молниями. А для них это – плохой признак. Или примета.

– Понятно. За нами шли.

– Нет. На нас они случайно набрели. На дым вышли. Но, если бы не ты, они бы нас порубили. Это точно. Уж очень мы подозрительно выглядим. И с этой самой горой у них отношения тонкие...

Стас усмехнулся.

– Неужели? А документы спросить?

– Начальник, они здесь бюрократию не разводят! Тверд... – Леха показал глазами на хмурого собеседника, – он у них за старшего. А может, и не Тверд, но очень похоже... Так вот, он говорит, что имеет приказ убивать всех, кто выходит из тени Сумеречной горы. Из нее, оказывается, и кроме нас гости появляются, и не всегда с добрыми намерениями. Ты заметил, что он вперед двух человек отправил? Так сказать, боевое охранение выставил. Так что вовремя мы оттуда слиняли.

– Ну, это бабка надвое сказала, – неопределенно пожал плечами Стас. – Это дело, как говорится, обоюдное. У нас один Толян чего стоит. Правда, Толян?

– Без базара! Но ты, начальник! Они тебя сразу заценили. Особенно вон этот... – Толян кивнул в сторону старшего. – В натуре! Они такого бодалова у себя сроду не видали. Отвечаю.

Стас поморщился.

– Все, Толян. Переходишь на родной язык. Твое преступное прошлое осталось в недрах Сумеречной горы. Ничего не поделаешь, друг мой Толян, сам понимаешь – рыцарские времена. Высокий стиль и море поэзии.

– Кончай парить, начальник. Мне эта ботва в школе... – обиделся Толян и замер, раскрыв от удивления рот. – А вот этот чел похож на того, который утром мимо нас проехал. А вон этого я вместе с лошадей хотел столкнуть. Улет!

– Ну, Толян. Ну, голова! Леха, а ведь и в самом деле – похожи. Но должен огорчить тебя, это не они. Наряд отличается. Спроси-ка у них, когда они из крепости выехали? И приглашай к костру... правда, угощать нечем. Так, может, они нас водичкой угостят?

– Дед, дай закурить, а то так есть хочется, что переночевать негде! – расхохотался Леха, запрокидывая голову, и повернулся к обескураженному десятнику.

Через четверть часа все сидели у костра и мирно потягивали вино из пущенной по кругу деревянной фляги. Леха о чем-то говорил с десятником. И даже Толян пытался толковать со своим соседом. И только Стас остался не у дел. Откинувшись на локоть, он все еще с любопытством присматривался к новым знакомым.

– Леха, спроси его, возьмет ли их командир нас на службу. Ну, что ты уставился на меня? Жить нам чем-то надо или нет? У меня других талантов не обнаружить, у тебя тоже их не густо. У Толяна даже спрашивать не надо. По роже видно.

– А при чем тут Толян? Как чуть чего – так сразу Толян. Я, если на то пошло, в службу безопасности могу устроиться. Или в бизнес уйду.

Пока Леха выяснял вопрос их трудоустройства, он поднялся и неторопливо подошел к ближайшей лошади. Вытащил лук, щелкнул несколько раз тетивой и потащил из тула стрелу. Десятник и все остальные разом повернулись к нему. Краем глаза Стас заметил, как несколько рук дернулись к ножам, больше похожим на короткие мечи.

– Леха, повесь-ка бронник на дерево, шагах в пятидесяти отсюда. Проверка на выживаемость!

Леху дважды просить не пришлось. Иногда он умел соображать очень быстро. На ходу скидывая свой бронежилет, он широкими шагами заторопился к одиноко стоящему ветвистому дереву и прицепил его на сучок.

– Готово! – крикнул он и отступил в сторону.

Стас не спеша поднял лук с наложенной на тетиву бронебойной граненой стрелой, прищурил глаз... пальцы правой руки задрожали у кончика носа.

«Владелец лука – дядька неслабый», – подумал он, до упора выпрямляя левую руку. Тетива щелкнула по рукаву джинсовки. Бронник, сбитый стрелой, отлетел на несколько шагов и упал в траву.

Не торопясь, Стас вернул лук на место и пошел к Лехе.

– Ну, как?

– Вмятина, как от пули! – в Лехиных глазах Стас увидел растерянность. – Думаю, если бы на десять шагов поближе, и...

– Вот об этом «и» мы с тобой забывать не будем, если хотим выжить. Этот аппарат покруче наших спортивных луков, а тот за сто шагов стальную пластину насквозь прошить может. Как думаешь, не осрамился я?

– Какое там! Ты посмотри на них. «Отпад!», как бы сказал наш друг Толян. Я отвечаю. Ты этой стрелой их наповал сразил, стоит только посмотреть на их изумленные рожи. Добил, можно сказать.

Стас не удержался и скорбно вздохнул.

– Вот оно, тлетворное влияние преступной среды.

– Командир, решительно встаю на путь исправления. Зуб даю! Ты мне веришь? – на морде искреннее раскаяние, в глазах чертики пляшут. – Колись, где ты этот инструмент освоил?

– В пионерлагере, – лениво отшутился Стас. – Что твой новый приятель предлагает?

– А что он может предложить? Двигать в крепость. Готов даже сопровождающих дать.

- В крепость, так в крепость, – согласился Стас. – Начинать с чего-то все равно надо.
- А хочешь, еще кое в чем проболтаюсь?
- Не тяни, все равно не утерпишь...
- Ты, оказывается, у них в родне ходишь, начальник.
- Не понял! Разъясни, – вскинулся Стас. – Вот уж никак не ожидал здесь родню встретить.

тить.

- Ты маску на шапке их старшего видел?
- Ну, волчья харя.
- Это их родовой знак. Тотем, как говорят историки. А ты – Волков. Вильк по-ихнему!

Въехал? Или еще нет? Так что, если бы не близкородственные узы, может, и не было сейчас этого семейного застолья.

Мирную беседу прервал глухой конский топот. Возвращался дозор. И не возвращался, а летел в полный конский скок. Другое определение подобрать было трудно.

Старший Тверд прыгнул на ноги и побежал к привязанной лошади, на ходу выдергивая меч из ножен. Остальные, не дожидаясь команды, кинулись вслед за ним. Стас, с годами выработанной осторожностью, приподнялся над травой. И в это самое время один из дозорных вылетел из седла. Почти одновременно упал и второй.

Метрах в ста за дозором, разворачиваясь лавой, скакал отряд в несколько десятков человек.

Разглядывать нападавших было некогда. Тем более что над головой просвистела стрела.

– Едрена Матрена! Так и на мягкой кровати не поспишь! – возмутился Леха. – Стас, они что, с глузду съехали? Их же всех стрелами побьют!

В это время на землю повалился Тверд. Стрела, прорвав кольчугу, покачивалась черным оперением над ключицей.

Стас кинулся к его лошади и схватил в руки лук.

– Все в лес! – закричал он, не жалея глотки. – Луки готовы! Леха! Повтори команду!

Тул за плечо, упал на колено, лук заскрипел в руках.

«Не слабый, однако, дядька», – снова с восхищением подумал он, когда от напряжения свело плечи.

Зазвенела тетива. И первая стрела ушла в цель.

Рядом громыхнул выстрел. Это Толян начал палить из своей пушки.

– Я тебе постреляю! Голову отверну! – ругнулся он. – Патроны беречь!

Пальцы мелькали с неуловимой быстротой. Цапнул рукой за плечом. Пусто. Стрелы кончились!

– Леха! Стрелы!

Обернулся. От десятка осталась, в лучшем случае, половина. Но мужики держатся молодцом. Луки в руках играют. Перед опушкой лошади мечутся. Уцелевшие не дают нападающим вести прицельный огонь. А те целое цирковое представление затеяли. Хоровод устроили. Отступать не думают. Видимо, подсчитали, сколько человек осталось. Измором берут! Положение надо выравнивать. Не по правилам, но что поделаешь. Не мы первые начали.

– Толян, дай мне свою пушку, – спокойным, почти равнодушным голосом попросил он. – Леха, скажи, чтобы бойцы прикрыли меня стрелами. Не жмись, Толян, ей-богу верну. Леха, ты тоже ствол гони. Мне обоймы менять некогда. Под пули пусть не лезут...

– Стас, ты что задумал? – забеспокоился Леха.

– Все нормально будет! – успокоил его Стас и нырнул в траву. И, уже тише, добавил: – Или нет...

Дружно ударили последние стрелы.

– Он что задумал, начальник? Или башню снесло? – у Толяна глаза дурные. Каждый по блюду.

А у Лехи самого жим-жим. Можно сказать, без дела просидел. Обидно, слов нет.

Стас посередине хоровода, как черт из табакерки выпрыгнул. Руки в стороны, на пятке крутится и садит из обоих стволов, как в тире на тренировке.

– У него глаза в разные стороны смотрят, что ли?

Упали на землю оба пистолета, а в руке уже Лехина пушка. Последних добивает на выбор, не целясь. «Макаров» из руки в руку перебрасывает. Оставшихся, не давая уйти, бил уже в спину Леха слюну глотает пересохшим ртом. Сколько лет работают вместе, но о таких талантах даже подумать не мог. А мимо с мечами, сажеными прыжками бегут, звеня кольчугами, Стасовы родичи. Боятся, что без дела останутся. Побежал следом. Обогнал, кроссовки – не кованые сапоги, подбежал к Стасу. Тот стоит, озираясь по сторонам. По бледному лицу пот в три ручья катится.

Повернулся к Лехе.

– Я же сказал, что все нормально будет. А вы боялись... держи свой ствол. Толян, пошарь в траве. Наши с тобой пушки где-то рядом валяются.

Голос спокойный, только чуть с хрипотцой. Пошарил в карманах, доставая сигарету. Закурил. Выпустил струйку дыма из уголка рта, прищурил глаз. Щелкнул зачем-то зажигалкой, задумчиво посмотрел на огонек.

– Как думаешь, возьмут они нас на работу?

Пальцы с сигаретой чуть-чуть подрагивают.

Леха, не ожидавший подобного вопроса, поперхнулся.

– Начальник! – в глазах Толяна восторг и обожание. – Да если бы наша братва такую хохму увидела! Да они бы с тобой с соседней улицы здоровались! В натуре. Ты посмотри, как эти на тебя смотрят! Боятся, что ты в них палить будешь.

Стас усмехнулся и промолчал.

– Пойдемте, посмотрим, кто это нас обидеть хотел? Да и земляки нас заждались. Леха, распорядись, чтобы коней в табун согнали. Не пешком же нам ходить...

Присел у ближайшего тела, расстегнул ремень под подбородком и сбросил с головы черный рогатый шлем.

– Мама дорогая! Откуда же чудище такое нарисовалось!

Толян, простая душа, чувства прятать не умеет. Что на ум взбрело, то и ляпнул. Похоже, и Леха такого же мнения.

Под огромным бугристым лбом в зарослях из косматых бровей – глубоко посаженные крохотные желтые глазки. Между ними короткий, до невозможности короткий вздернутый нос. Настолько вздернутый, что ноздри смотрят на улицу. Толстые вывернутые губы с трудом прячут желтые клыкастые зубы. И все это разнообразие украшает редкая растительность.

– Это кто же такое?

Леха не утерпел и прыгнул к следующему трупу.

– Стас, здесь такое же чудо лежит! Один в один. Одноклеточные они что ли?

Стас, не вставая, посмотрел на Леху, и негромко, почти шепотом, сказал:

– Рожа, как рожа. Есть красавцы и похлеще. Ты на панцирь посмотри. Не сталь, а наши пули их не берут. Я же в него из Толянова ствола почти в упор первым выстрелом засадил. А уж потом под шапку... Понял? А одежка на нем не толще наших бронников. Отсюда вывод...

Леха, раздумывая, почесал бровь, но ответить не успел. Вперед выскочил Толян.

– А что тут думать, начальник? Приватизировать весь прикид, и все дела! У наших-то шмотки попроще будут. Знаешь, какое бабло срубить можно!

– Толян! – Стас укоризненно покачал головой. – Я тебе что говорил?

– Все, все начальник! – Толян, извиняясь, поднял обе руки. – Считаю, что в завязке.

Стас выпрямился, постоял в задумчивости, отряхивая ладони, повернулся к Лехе, потом посмотрел на Толяна, перевел взгляд на уцелевших воинов дозора.

– Итак, бойцы. Как старший по званию, принимаю командование на себя. Раненых и убитых на носилки. Амуницию, в смысле трофеи, собрать и приторочить к седлам. Возвращаемся в крепость. Один во весь дух летит вперед. Береженого Бог бережет. Кто его знает, сколько таких отрядов вышло из тьмы. Считаю, что боевую задачу вы выполнили, – сказал он негромко, но достаточно твердо и показал пальцем на Леху: – Кто не понял, вопросы к нему. Разойдись! И чтобы подошвы горели!

Повернулся к Лехе и, доставая очередную сигарету, шепнул.

– Только, кажется мне, что торопиться нам уже некуда.

– Ты о чем, Стас?

Щелкнул зажигалкой, затянулся, прищурил глаз.

– Это я так, размышляю. А ты поторопи, поторопи своих земляков...

Глава 4

Путь до крепости оказался не близким и занял несколько дней. Давно исчезли под копытами лошадей цветочные поляны и редколесье. Начался густой лес с еле заметной дорожкой, больше похожей на лесную тропу. Переправились через неширокую реку. Плот не плот, паром не паром... Плавсредство, одним словом. До крепости добрались ночью, когда чужое низкое небо было усыпано не знакомыми звездами.

Всю дорогу Стас ловил на себе внимательные взгляды. Поначалу оборачивался и, как мог, успокаивающе улыбался изо всех сил, демонстрируя дружелюбие. Но потом махнул на все рукой, тем более что чаще всего в глазах в ответ на проявление своих почти искренних чувств, читал если и не страх, то явное опасение и недоверие.

Понять новых знакомых было нетрудно. Окажись на их месте и сам, вероятнее всего испытывал бы, наверняка, что-нибудь подобное.

Появился неизвестно откуда, Бог весть, в каком наряде. Мечет грома и молнии направо и налево. Телами всю поляну усыпал... Демон – не демон, но уж нечисть непотребная – это точно. Вот и смотрят, оценивают да прикидывают, что с ним сделать. То ли на дереве вздернуть, то ли на костре спалить к чертовой матери. А может, удавить втихую и осиновый кол в сердце вогнать. Чтобы без дураков. Чтобы не восстал из мертвых.

Да что говорить об этих дремучих бородатых мужиках, если и Леха посматривает на него, словно видит в первый раз.

И только Толян, сбивая в кровь задницу о высокое жесткое седло, донимает вопросами. Пробудился в парне чисто профессиональный интерес.

Вот и сейчас, елозя с холки на холку, морща лоб и заглядывая в лицо чистым, незамутненным взором, лезет с очередным мудреным вопросом.

– Начальник, не держи меня за лоха...

– Толян, отлезь. Не до тебя пока. И не зови ты меня начальником! Ты не арестован, не задержан. А я больше не мент. Если мое имя запомнить не можешь, зови командиром. Простенько и со вкусом. И вполне доступно для восприятия.

Но от парня просто так просто не отделаешься.

Отстал только тогда, когда копчик в черепную кость уперся.

Завидев на фоне ночного неба близкие крепостные стены, со стоном и жалобными всхлипами сполз с седла и, широко расставляя ноги, поплелся пешком, ведя коня в поводу.

Стас натянул повод, пропуская хозяев вперед и, сочувственно улыбаясь, повернулся к Толяну.

– Толян, не отставай. Кто его знает, что здесь по ночам творится. А вдруг волки? Съедят и прописку не спросят.

– Уж пусть лучше волки съедят! У меня скоро задница через мозги вылезет.

Стас понимающе покачал головой. Поспешил со словами утешения и Леха.

Со всей приличествующей трагическому моменту серьезностью он потрепал парня по плечу.

– Толян, никогда не надо бояться того, что уже давно есть. Лучше постарайся сохранить мозги на привычном месте. От такой тряски они могут провалиться до самого твоего низу.

– Не понял!

Толян почувствовал подвох и с подозрением повернулся к Лехе.

– Да, ладно. Не парься. Можно и так жить. Живут же твои кореша. И довольно-таки неплохо живут. И ты проживешь. По крайней мере, мигрени не будет.

Лехе явно наскучило молчание, и он был рад, что нашелся повод почесать язык.

– Твое счастье, Леха, что Толян на тебя только завтра обидеться догадается, – рассеянно сказал он, разглядывая крепкие крепостные стены.

– Почему это завтра? Я и сейчас могу! – не согласился Толян.

Крепость напоминала на первый взгляд ту крепость-призрак, которую они встретили, выйдя из-под сени Сумеречной горы. Но лишь напоминала. И то – очень отдаленно. Такие же могучие крепостные стены опирались по углам на сторожевые башни. Но над каждой башней возвышался еще один ярус с прямоугольными, узкими бойницами и с зубцами, как у шахматной ладьи. В центральной прямоугольной башне чернели крепостные ворота. Для полной схожести с крепостью-призраком явно чего-то не хватало. Словно строили ее наспех, временно, предполагая достроить потом, но так и не собрались.

«Цитадели, – понял Стас. – Цитадели, над которой жалкой тряпочкой висел вылинявший на солнце стяг».

– Стас, может, поедem потихоньку? Есть хочется, – Леха толкнул коня пятками и поравнялся с ним, – и на Толяна уже жалко смотреть. В чем только душа держится. Про того жалкого козленка, которого мы съели, он и думать уже забыл. Правда, Толян? Я бы сам сейчас даже на козла согласился, которого так опрометчиво и совершенно незаслуженно обидел. Можно сказать, даже оскорбил неприличным выражением. А ты, Толян?

– А мне и тогда все равно было. Козленок это или конкретный козел. Мне с ним не базар тереть.

– Вот видишь, Стас. Кругом ты был не прав, когда легкомысленно отказался от козла. Козлов стрелять надо. Правда, Толян?

– И тебя первого, раз ты больше не мент.

– Молодец, Толян! – восхитился Стас. – Так ему, балаболу. Нечего ждать до завтра. Начинай обижаться прямо сейчас.

– Я как поем, ему еще и не то скажу.

Толян был явно польщен похвалой, не собирался останавливаться на достигнутом и готов был покорять новые вершины. Леха скорбно вздохнул и опустил голову.

– Вот и хлопочи за него! Стас, давай команду. Поехали, что ли? – поторопил он начальника.

Стас привстал на стременах, высматривая кого-то во тьме.

– Смотря, как хлопочешь, а то и по шее схлопочешь.

– Стас, не отвлекайся. Поехали!

Стас повернулся в седле к молчаливо стоящим за спиной воинам и махнул рукой.

– А ты, Леха, заметил, что молний над горой больше не видно? – спросил он, мотнув головой куда-то за спину.

– Аккумуляторы сели или за неуплату электричество отключили. В городах тоже всю иллюминацию на ночь отключают. Все, как везде. И ничего нового.

Стас бросил хмурый взгляд в его сторону. Похоже, Леха видел во всем этом пока всего только увеселительную прогулку или не отягощенное заботами путешествие, взвалив все заботы на его, Стаса, плечи.

Ворота натужно заскрипели, отворяясь, и из них показались людские силуэты с факелами в руках.

Стас тряхнул поводьями и шагом направился к крепости.

Ворота были приоткрыты ровно настолько, чтобы в них можно было протиснуться, не ободрав вывернутых седлом коленей.

– Должно быть, кто-то сглазил нас, – не удержался Леха. – Как началось все через пень-колоду, так и идет. Непруха! Толян, твоих рук дело? Хлебом-солью не встречают. Мало того, еще и по шапке норовят надавать.

– Так нас сюда, между прочим, и не звали, – нехотя успокоил напарника Стас, – сами притащились. А по позднему времени вообще могли ворота до утра не открыть.

Разглядеть что-либо в мутном свете факелов было очень трудно. Да, признаться, было и не до того. Хозяева оказались неразговорчивы. Все, что надо узнать, они узнали у того молодого мужика, который был послан вперед. Молча дождались, пока они слезут с лошадей, и так же молча повернулись и зашагали вглубь двора к темнеющим там постройкам.

– На редкость словоохотливый народ! – не утерпел, чтобы не восхититься Леха. – Что ни слово, то Цицерон с языка...

– Посмотрел бы я, какой Цицерон из тебя вылетел, если бы тебя среди ночи разбудили, – вступился за хозяев крепости Толян. – А уж я-то что бы тебе наговорил! Среди ночи разбудить, это еще хуже, чем натошак спать лечь.

– Толян, ты можешь думать о чем-нибудь, кроме еды?

– Так я и не думаю. Оно само думается. Ты сам первый начал, – отмахнулся Толян. – То про козла вспоминаешь, то хлеба с солью просишь, а я виноват. Командир, можно я ему в ухо дам?

– Потерпи до утра, – охладил его Стас. – Нельзя сор из избы выносить. Что о нас подумать могут? Тем более что, кажется, пришли уже. На постой определять будут.

Брякнули двери. Сопровождающие вошли в помещение первыми. Один из них запалил от факела свечу и, не сказав ни слова, вышел.

Леха завертел головой, осматривая отведенное для них помещение, и скептически присвистнул.

– Не дворец!

– А ты думал, тебя прямо в мраморные покои отведут под белы ручки и на пуховые перины спать уложат?

Помещение было и в самом деле мрачноватым. Низкие корявые, сложенные из плитняка неоштукатуренные стены. Закопченный до черноты потолок. Крохотное оконце, закрытое вместо стекла кусочками слюды. Посередине на земляном утоптанном полу – очаг, выложенный из такого же камня. Вдоль стен – широкие лавки, покрытые звериными шкурами. И стол, сколоченный такой же умелой рукой, что и все остальное убранство комнаты.

– Хочется думать, что поселили нас сюда временно, пока не подыщут приличное жилье.

– А тебе не все равно? По мне, так лишь бы клопов не было, – равнодушно отозвался Стас и пошел в левый угол. – А ты как, Толян? Клопов не боишься?

Снова скрипнула и брякнула дверь. На пороге появился рослый малый, одетый, несмотря на ночное время, в полный боевой доспех. Поставил на стол кувшин вместимостью не меньше трех литров, а рядом пристроил стопку лепешек, размером чуть поменьше столешницы, и молча вышел.

– А вы боялись, что голодными спать придется, – скупая улыбка появилась на лице Стаса. – Не судите, да не судимы будете. Мечтал о хлебе с солью, а они еще... Толян!

Но было поздно. Толян пил прямо из кувшина. Услышав окрик Стаса, он отдернул кувшин ото рта и поднял на него невинные, полные недоумения, глаза.

– Пить хочу. Думал – вода, а это вино, – пояснил он. – Бормотуха, но пить можно.

Леха подозрительно посмотрел на него и перевел взгляд на кувшин.

– Слюней напускал? А еще в школе учился!

Опять раздался протяжный скрип дверей, и тот же воин принес три глиняные кружки. Со стуком поставил их перед ними, постоял, задумчиво оценивая сервис и, решив, что все условности соблюдены, так же молча удалился.

Едва за ним успели закрыться двери, как Леха тут же разлил вино по кружкам, выхватил лепешку и умело свернул ее в трубку. Толян метнулся следом за ним. Последним подошел к столу Стас.

– За прибытие, командир, – Толян тянулся к нему с кружкой.

– За прибытие, – негромко и не очень охотно ответил Стас.

– А вы заметили, что наши гостеприимные хозяева не стали закрывать нас? Значит, доверяют.

– Еще бы не доверять! Командир им такую художественную самодеятельность устроил... со стрельбой и акробатикой. Где ты так научился?

– Случайно получилось, – равнодушно отозвался Стас.

Встал из-за стола и, с лепешкой в одной руке и с кружкой в другой, подошел к дверям. Толкнул их не сильно плечом и застыл в дверном проеме.

– Что ты там увидишь сейчас? Тьма кромешная. Пока ехали, хоть звезды видны были, а сейчас и их не видно. Хоть глаз выколи.

Стас пожал плечами вместо ответа и Леха, махнув рукой, потащился к лавке с волчьей шкурой вместо перины.

– Не знаю, как ты, а я на боковую. До обеда не будить, при пожаре выносить в первую очередь. Так, помнится, говаривали в нашей доблестной армии. Вон, посмотри, младенец наш так и уснул с лепешкой в руках. А винцо и в самом деле недурное. Голова ясная, а ноги не слушаются и язык заплетается. Хорошо у них погранцы живут! Вместо чая винцо вкушают.

Стас проводил его задумчивым взглядом и присел на порог.

За спиной раздался молодецкий, залиvistый храп, и Стас с завистью оглянулся на своих молодых спутников. Ни горя, ни заботы.

Не торопясь, доел лепешку, допил вино и поплелся в свой угол. И, совершенно неожиданно для себя, сразу же уснул, успев подумать, что прав был этот чертов сын Леха, говоря, что бьет клятое вино в голову. А выпили-то всего по кружке.

Спал, как в далекие и беззаботные курсантские годы. Без сновидений. И проснулся так же, по-курсантски. Открыл глаза и сразу сел на лавке, стряхивая с себя остатки сна. Рядом давился храпом Леха, бормоча что-то непонятное во сне. Лавка Толяна была пуста. И на столе стопка лепешек вроде бы заметно похудела. Двери настежь распахнуты и в них нагло и бесстыже врывается солнечный свет.

Оторвал кусок лепешки, плеснул в кружку вина.

«Будем считать, что работаем в полевых условиях», – успокоил он себя и, запивая лепешку вином, вышел на крыльцо.

Солнце поднялось уже на ладонь над горизонтом, и в крепости царила привычная гарнизонная суета. Армия есть армия, какой бы антураж не украшал ее суровые будни. Заметил в дальнем углу лошадей у коновязи. Должно быть, конюшни. Невелика разница, если вместо боевой техники вроде танков, БТРов и БМПух здесь всего-то лошади. За скотиной уход не меньше, а пораскинуть мозгами, так и вовсе больше хлопот. Вот и скребут скребницами, раздевшись по пояс, дюжие мужики своих скакунов, больше похожих на деревенских битюгов. Поливают водой, смывая вчерашнюю пыль, доводя до блеска лоснящуюся шерсть.

Кто-то чистит пудовый доспех, доводя кусочком шерсти до зеркального состояния каждое колечко, каждую пластику, каждую пряжку застежки. А вон и меч правит куском точильного камня, как крестьянин литовку перед покосом. Сыровато железо на здешних мечях. Не зря былинные богатыри друг друга топорами охаживали и пудовыми булавами молотили.

Посередине крепости – колодец с воротом, похожим на колесо от восточной повозки. Тут же деревянные колоды с водой. Ни женщин, ни детей.

На верхних ярусах башен – дозорные в полном доспехе. И крепостные ворота, несмотря на то, что на дворе давно день, до сих пор закрыты.

А вот и Толян. На голой шее золотая цепь – «голдяк» – болтается. И в самом деле, что за бандюг без голдяка? Голдяк для них – опознавательный знак. Как в армии погон. В Толяновой цепи – не меньше пяти десятков звеньев. Такой цепочкой при случае и подраться можно. Не последний человек среди своей братвы Толян.

Вокруг него толпа из нескольких человек. Он посередине. Присел на корточках и руками разводит. Мужики сверху вниз на него поглядывают и переговариваются шепотом.

– Ну, кто следующий, пацаны? Все без обмана. Кручу, верчу... выигрыш плачу, – доле-тел до Стаса бодрый басок Толяна. – Если видит глаз, выиграешь враз. Все без булды... туды, сюды...

Стас допил вино, пристроил кружку на камень, бесшумно подошел к ним и, привстав на цыпочки, заглянул в центр. То, что открылось его глазам, могло кого угодно повергнуть в шок. Толян крутил наперстки, роль которых выполняли небольшие деревянные стаканы.

– Кто следующий? – глаза Толяна лучились божественным светом, голос источал елей. – Выворачивай карманы, я играю без обмана.

Скосил глаза наверх. Заметил Стаса. И без тени смущения пояснил:

– А я тут детство счастливое вспомнил, командир. Братва вообще тащится. Я свою гайку на кон поставил, так они чуть было не унесли ее. Фартовые пацаны! Еле отыграл.

– Накладут они тебе по шее!

Толян, уловив в его голосе явное осуждение, ответил обезоруживающей улыбкой.

– Они? Да никогда. Они, командир, вообще конкретные пацаны. Где они еще такой кайф словят? И у нас, типа, бабки появятся.

– Ну, смотри, Толян. Потом не жалуйся.

– Чтобы я, да на своих корешей барабанил! – возмутился Толян. – Не держи меня за лоха, командир! Все по понятиям! Я отвечаю.

Содержательную беседу прервал громкий счастливый вой. Со стуком дверной щеколды клацнули челюсти. Стас обернулся. За спиной стоял Леха и с наслаждением зевал во всю белозубую пасть.

– Смотри, челюсть не вывихни, – участливо предупредил его Стас. – А то лепешку нечем жевать будет.

– Со школьной поры так не спал, – отмахнулся Леха. – Понимаю так, что вступаем в пору счастливой жизни. Ни горя, ни заботы. День прошел – и ладно. И над душой никто не стоит.

Лепешка стремительно исчезла в его рту. С челюстью, вопреки опасениям, Стаса, было все в порядке.

– БОМЖ одним словом. И все-таки, с выводами ты поспешил, напарник. Будут тебе еще и горе, и заботы. По самые ноздри.

– Скучный ты человек, гражданин начальник, – Леха с видимой жалостью посмотрел на него сверху вниз и скорбно покачал головой. – Живой, сытый, и солнце над головой светит. А могли на такие галеры угодить, что и во сне не привидится. Правда, Толян?

– Подумаешь! Что, мы солнца не видали, что ли? У нас этого добра и раньше навалом было, в натуре. Вот если бы, типа, затемнение – другой базар. Затемнение – это прикольно, – пренебрежительно фыркнул Толян, повернулся к Стасу и осторожно проворчал: – Весь кайф ты мне поломал, командир. Пацаны только фишку поймали. И мне фарт попер.

– Знаю я твой фарт.

Стас обреченно вздохнул. Бык есть бык. Что с него взять? Весь ум в кулаках сфокусировался.

– Леха, заканчивай туалет. Пойдем начальству представляться. Надо же как-то определяться с положением.

– Подумаешь! – было явно видно, что Леха не склонен драматизировать положение. – Надо будет, позовут. Нам командировочные не отмечать. День приезда, день отъезда... А, ну что я говорил? Вот тот верзила точно за нами торопится.

Совершенно бесцеремонно указал пальцем в сторону торопливо шагающего в их сторону ратника, одетого в полный боевой доспех и с копьём в левой руке, в котором Стас узнал одного из тех, кто уцелел во вчерашней стычке.

– Армия, есть армия. Без вызова к начальству ни ногой. Тебе ли этого не знать, дорогой мой командир? Любая кривая вокруг начальства короче всякой прямой. Аксиома, известная далеко за пределами доблестных вооружённых сил. И смотри-ка, уважают! Не босяка какого-нибудь прислали, а справногo бойца во всей воинской красе.

– А может, это за Толяном? – усмехнулся Стас.

– Командир, я не при делах.

– Как это не при делах? – удивился Стас. – А распространение азартных игр? А обман мирных и не сведущих граждан? К тому же – покушение на нравственность совершенно чистых средневековых душ... И накрутят они тебе, Толян, на полную катушку. А полная катушка здесь, в смысле в этом веке, означает только одно – усекновение головы.

– Вот здесь ты, командир, не прав. За мошенничество полагалось четвертование и разбрасывание отдельных кусков преступного организма по всем частям города, – в Лехиных шальных глазах застыла скорбь. – Но ты, Толян, не отчаивайся. Крепость не город. Если и разбросают, то недалеко. Кроме того, можешь надеяться, что мы соберем все до самого крохотного кусочка, чтобы достойно предать их земле со всеми подобающими церемониями. Так я говорю, командир? Но я думаю, суд примет во внимание смягчающие вину обстоятельства...

– Ты что гонишь, начальник! Какие обстоятельства? Какое усекновение? – Толян ошалело крутил головой, переводя взгляд с Лехи на Стаса, и наоборот.

Стас пожал плечами и равнодушно отвернулся, утратив интерес к продолжению беседы.

– А такие, что ты, как человек новый в этой живописной местности, мог и не знать всех законоуложений, а поэтому имеешь полное право на сохранение жизни, правда, с одной единственной рукой.

– Почему с одной? У меня их две всегда было, – не согласился Толян.

– Так шаловливую ручонку тебе, наш юный друг, отрубят во избежание дальнейших соблазнов. И повесят на твою могучую шею рядом с твоим шикарным голдяком.

– За фраера держишь, начальник? – Толян почувствовал подвох в Лехиных словах и снова обратил свой взгляд на Стаса.

Тот недовольно поморщился и дернул бровью.

– Кончай дразнить мальчика, Леха. Оденься, а заодно возьми мой бронник. Мне без переводчика пока не обойтись.

– Какого еще мальчика? – взбеленился Толян. – За лоха меня держите?

– Толян, заглохни! Успеешь еще сказать Лехе все, что о нем думаешь. Время будет. А сейчас не до разборок. Видишь, с приглашением на завтрак идут.

– Завтрак, это другое дело, – согласился Толян. – Я же не знал. А то лепешки как-то не догоняют. Если на завтрак, то можно и подождать.

Стас, вполне удовлетворенный мирным разрешением разгорающегося конфликта, повернулся к остановившемуся напротив посланцу.

Мужик был роста немалого, с Лехой вровень. Но телом просторней. Могучие руки. Покатые плечи. И железа на себе таскал не меньше двух пудов. Из-под кованого шлема по красному лицу в три ручья стекал пот.

– Воевода требует, – прогудел он в бороду густым гулким басом.

Это Стас разобрал и без переводчика. Вместо ответа он согласно кивнул головой и указал кивком головы за спину в сторону распахнутых настежь дверей, в которых уже появился Леха в полной боевой готовности и с бронником в руках. Сзади его в спину подталкивал Толян, с пистолетом за ремнем.

– Пошли, что ли? А то люди заждались. Опять же, у Толяна скулы от голода сводит. Сколько той лепешки было? Так, на один зубок. А их у него считать, не пересчитать, – Лехины глаза светились радостью, словно его пригласили на шикарную тусовку. – И вообще скажу я вам... лепешка – не еда для мужчины-производителя, как говорил незабвенной памяти дед Щукарь. Вот если бы ковбаса або сало... Правда, Толян?

Но Толян не склонен был так быстро забывать обиду. Вместо ответа он что-то не разборчиво проворчал и заторопился за Стасом.

Долго искать воеводу не пришлось. Ждал он их в таком же приземистом домике, в каком переночевали они сами. Сидел на лавке, привалившись к стене и уперев толстые ладони в колени. Дремучая борода просторно разметалась по груди, затянутой в кольчугу. У пояса в ножнах покоился длинный боевой нож, больше похожий на короткий меч. Стас незаметно оглядел воеводскую «канцелярию». Будь это там, в прежнем мире, он бы сказал, что воевода не чинодрал и не бюрократ. Убранство более чем скромное, и богатством в глаза не бьет. Вокруг стен – лавки. Вдоль одной из них – просторный стол, явно рассчитанный на могучих едоков, таких, которые не только любят покушать, но при случае еще хлопнуть раз-другой по столу в запале вместительной кружкой, а то и грохнуть по нему кулаком. На стенах развешано различное оружие. Мечи на любой вкус, умение и силу. Боевые, засапожные и метательные ножи. Кольчуги и байданы вперемешку с богатыми панцирями и копытными доспехами. В углах привалены щиты для конного и пешего боя. Здесь же как жерди выстроились копья и рогатины. Поискал глазами печь и, не обнаружив таковую, подумал, что хоромина служит скорее оружейной комнатой, чем канцелярией.

Воевода, похоже, не торопился с расспросами. Не стал торопить события и Стас. Словно не замечая на себе угрюмого ненавидящего взгляда, он, закончив изучать арсенал крепости, принялся разглядывать самого хозяина но, вспомнив законы вежливости, сдержанно наклонил голову и вежливо произнес.

– Исполать тебе, воевода. Или как там у вас говорится...

Воевода в ответ что-то хмуро пробурчал.

– И тебе того же, – перевел толмач Леха.

– Да я уж понял.

– Спрашивает, не ты ли из малого арбалета поразил огненными стрелами орков?

– А то он не знает! – пожал плечами Стас.

– Зачем в своих стрелял?

– Скажи ему, что мы здесь родни еще не отыскиали. А с этими характерами не сошлись, – хмыкнул Стас. – И, вообще, с какой стороны он в этих страхолюдинах для нас своих обнаружил?

Леха, как водится у них, у переводчиков, быстро застрекотал, но угрюмый воевода не дал ему договорить. Привстав с лавки, он неохотно поднял руку и вытянул ее с раскрытой ладонью в сторону Стаса.

– Пистолет твой просит.

– А не обожжется? – криво улыбнулся Стас. – Я же не прошу его железо.

Воевода выслушал ответ, и на его угрюмом бородатом лице появилось подобие мстительной улыбки.

– Стас, – Леха явно забеспокоился. – Этот гад дремучий, похоже, подловил тебя. Он предлагает тебе выбрать меч... для поединка. Думать лень, так он решил таким образом от нас отмазаться. За что-то он нас здорово не возлюбил!

Стас еще раз окинул беглым взглядом коллекцию оружия, подошел к стене и взял понравившийся меч. Осмотрел лезвие, попробовал его на ноготь, зачем-то щелкнул по нему пальцем. Кистью крутанул его перед собой и неуловимо быстрым движением перекинул в обратный хват.

– Леха, – Толян забыл о всяческой субординации, – этот слон его сапожищами растопчет. Командир же ему до подбородка не допрыгнет.

– Толян, не секи ногами. Не до тебя. Если он так решил, значит, так и будет. Стас просто так соплей о землю не ударит, а сначала подумает да примерит, где ее половчей пристроить. Чувствую я, что нас снова ждет цирковое представление.

Но Толян с явным недоверием покрутил головой на могучей шее и развел руками.

– Не врубаюсь я, начальник, и чего он на нас наехал? Грохнули бы их там и все дела, если бы не командир. Вот и делай после этого хорошие дела. Эх, зря он мне не дал доиграть. Они бы у меня все на счетчик встали!

– Леха, – Стас прервал их беседу. – Скажи этому храпоидолу, чтобы принесли парутройку мечей из вчерашних трофеев.

И небрежно кистью, словно это был не меч, а воровская финка, подбросил его вверх. Меч описал в воздухе сияющий круг и послушно лег рукоятью в раскрытую ладонь левой руки.

Воевода прищурил глаз и дернул левой бровью. Пробурчав в бороду, он вытянул руку и снял со стены свой меч. Оружие было ему под стать. Лезвие толщиной в палец, больше метра длиной и шириной в ладонь, отливало угрюмой синевой.

Стас понял причину его недовольства и неохотно пояснил.

– Оружие врага нужно не только знать, но и владеть им не хуже, чем своим. Уж коли решили поиграть, так почему бы хоть какую-то пользу не извлечь.

Принесли мечи из вчерашней добычи. Снова замелькали они в руках Стаса. И Леха заметил на его лице легкую довольную улыбку. А Стас, взяв по мечу в каждую руку, шагнул к дверям и повернулся к воеводе.

– Пошли что ли, хозяин? А то ребятки мои уже проголодались. Зачем заставлять их ждать? Они, когда голодные, страсть какие нервные бывают.

И улыбнулся обезоруживающей улыбкой.

Воевода, по-медвежьи переваливаясь, зашагал за ним с медвежьей же, однако, ловкостью.

Отошли шагов на десять, и Стас остановился, вопросительно взглянув на воеводу. Тот описал мечом перед собой дугу и пренебрежительно улыбнулся.

Стас свел глаза в щелку и Леха понял, что воеводе придется туго. Он таки сумел раздражить всегда сдержанного напарника.

– Погоди железом махать. Лучше скажи, как драться будем. До первой крови или пока кто-то меч не потеряет? – с холодным равнодушием спросил Стас.

Воевода ухнул в бороду и вмиг смахнул с себя доспех, заставив Толяна крикнуть от зависти, а Леху не на шутку забеспокоиться. Могуч и крепок телом был воевода.

Ответ был более чем красноречив, и Стас скинул с себя бронежилет, а затем и футболку, и зрители, моментально окружившие их, смогли убедиться в том, что Стас, несмотря на то, что уступает в росте своему противнику на голову, выглядит достойно. На сухом тренированном теле перекачивались комки мышц, уступающие сопернику разве что в объеме, но явно не в силе. Крепкие руки легко играли тяжелыми мечами, и те порхали в его руках, как легкие шашки в руках далеких Лехиных предков, приучая руки к балансу непривычного оружия. Так то – шашки, а не эти неуклюжие куски кованого железа.

Воевода вытянул левой рукой свой боевой нож и, с мечом в правой руке, легко и уверенно двинулся в атаку. Но было видно, что Стас своей игрой с мечами заставил быть его

осторожнее. И тут же нанес удар с длинной дистанции. Стас щелкнул снизу кончиком своего меча и тут же атаковал слева. Воевода легко отразил удар ножом и перешел в атаку сверху. Удары сыпались один за другим. Бил мощно, от души. Вкладывая в каждый удар всю свою немалую силу, совсем не думая о том, что для его противника каждый такой удар может стать последним. И зрителям было непонятно, почему этот, совсем невзрачный человек, до сих не сбит с ног. Не сокрушен, не раздавлен этим диким напором первобытной безграничной силы. Мало того, он до сих пор не сдвинулся с места ни на шаг. Стоит с безразличным видом и, словно нехотя, подставляет свои мечи под смертельные удары. Что-то непонятное происходило на глазах у зрителей. Порой казалось, что над их воеводой потешаются, причем потешаются в открытую. Удары, которые могли сбить с ног кого угодно, проваливались в пустоту. Лезвия мечей с визгом скатывались вниз по подставленному в последний момент мечу и наполовину вонзались в землю. По телу грузного воеводы катился пот, а его сухой и гибкий противник был свеж и только входил во вкус. Глаза светились насмешливой улыбкой. Иногда в них появлялось что-то, похожее на участие.

– Командир его как Бобика на веревочке водит! А у того от злости крыша едет, – пробормотал Толян Лехе на ухо с нескрываемым удивлением в голосе. – Забавляется он что ли? Так и заиграться недолго. Вырубить надо, вырубить!

– Не тринди! Стас наверняка знает, что делает, – недовольно отмахнулся тот, не спуская глаз с мелькающих в воздухе мечей.

«Ну, Стас, напарничка Бог послал, – с обидой подумал. – И такие таланты от друга скрывал! Ну, погоди... Ну же! Ну же!».

И, словно услышав немую мольбу друзей, Стас сам начал атаку. Его мечи заплясали в воздухе и словно растаяли, образовав сверкающий вихрь. Этот вихрь вырвал неведомым образом нож из левой руки воеводы, поднял его в воздухе, раскрутил и отбросил далеко в сторону. И сразу же вынырнул хищный кончик меча и чиркнул по груди, чуть повыше соска, оставив на теле ровный, хирургически точный надрез.

Стас опустил мечи, подошел к воеводе и без слов обнял его за плечи. Воевода, который почему-то сейчас казался меньше ростом, так же молча облапил Стаса.

– Сердом меня кличут, – пробасил он и широко улыбнулся.

– А я Стас, – так же тепло улыбнулся в ответ Стас, – Станислав Волков.

– Ну вот, без переводчика обошлись, – влез в разговор Леха, побоявшийся, что может пропустить что-то важное.

– Слышал, что из рода Волка. Только не пойму – откуда? Вышли из горы...

– Не ломай себе голову, Серд. Со временем все поймешь. А пока не думай. Мы с миром пришли. И это главное. Готовы служить в твоей дружине.

– Ну что же, от лишнего меча, да еще такого, грех отказываться. А если их три, так и вовсе хорошо. Пойдемте в горницу. Там и поговорим. А за то, что перед дружиной срамить меня не стал, спасибо. Ты ведь и раньше пометить меня мог, но не стал, дал немного покуражиться.

– Не прибедняйся, воевода. Ты мечник знатный. А раньше или позже... Как получилось, так получилось.

Но уйти не удалось. От группы воинов отделился тот верзила, который приходил за ними от воеводы.

– Позволь, воевода и мне попытать счастья. На мечях биться не стану, а вот на кулачках бы попробовал, – попросил он и, боясь, как бы воевода не передумал, с надеждой и любопытством посмотрел на Стаса. Тот пожал плечами и кивнул головой.

– Быть посему, Груздень. Только мнится мне, что твое любопытство твоей волосатой роже не очень поглянется. Этот вой, Груздень, не бьется. Он, пожалуй, больше убивать привык.

– Да уж... че уж! Авось сдюжим! – торопливо пробормотал Груздень, сдергивая через голову кольчугу вместе с подкольчужной и нижней рубахами, и приплясывая от нетерпения, как застоявшийся конь.

– Скажи мне, воевода, правила, – Стас озабоченно повернулся к воеводе. – А то сделаю что-нибудь не так. А потом позору не оберешься.

– А у нас, Волк, все по-простому. Как бы ни биться, лишь бы ниц ринуть. Только уши откусывать не моги. А в остальном – вольному воля. Руки не вяжем.

– Командир, может, мне дашь, а то все бодалово на себя тянешь, – осторожно попросил Толян.

– Толян, – потянул его Леха за куртку. – Успеешь еще. Стас товар лицом показать хочет. Понял?

Толян удрученно опустил голову.

– Будто я не мог показать! – обиженно пробормотал он. – Что я, не пацан, что ли?

Стас искоса, незаметно посмотрел на воеводу, окинул оценивающим взглядом противника.

«Деревенский увалень, – подумал он. – Поднаторел в безобидных развлечениях. Такого и обижать грех. Но и воеводу разочаровывать нельзя. Придется парню потерпеть. Эх разгорелся!»

Раздвинул ноги, чуть присел. Руки прижал к туловищу, согнул в локтях... Груздень неожиданно по-кошачьи легко и бесшумно прыгнул к нему и выбросил вперед длинные мощные руки, готовясь стиснуть его в могучих объятиях. И натолкнулся на молниеносный, по-змеиному точный удар правой руки в грудь. Удар был настолько быстрым, что остался незамеченным. Задохнулся, замер, выкатив побелевшие глаза на Стаса. Тот, немного помедлив, легонько щелкнул его ладонью в лоб. И верзила столбом рухнул на землю.

– Прости, брат. Иначе ты бы меня просто массой задавил.

– Финита!

Это, конечно, Леха не преминул блеснуть латынью.

– Отпад! – не утерпел вставить меткое замечание и Толян.

После этого заключения повисла зыбкая терпкая тишина. Все смотрели на неподвижное тело поверженного верзилы, изредка переводя недоумевающие взгляды на Стаса.

– Колдун! – расслышал он чей-то испуганный шепот и повернулся к воеводе.

– Все в порядке, Серд. Сейчас он очнется и встанет. Не люблю, знаешь ли, издеваться над маленькими. Уж лучше сразу.

– Как ты его так? Ладонью...

– Касание смерти, – пояснил Стас причину падения. – Удар так называется. Если бы чуть сильнее ударил, мальчик и впрямь бы не встал. А так отдохнет и поднимется, как ни в чем не бывало. А впредь наука будет. Не суйся в воду, не зная броду. Пойдем, воевода, поговорим. И у меня вопросов до вечера хватит, а у тебя – так и того больше. Да и поесть бы не мешало. У моих орлов брюхо подвело. Тем более, что Груздень уже поднимается. Сейчас обижаться будет.

Воевода машинально закивал головой, не сводя глаз с изумленно встающего воина, и потопал вслед за Стасом.

– Учись, Толян, как надо брать козла за рога! – с восхищением прошептал Леха. – И что характерно, всегда вот так... будто все само собой у него получается. Стас, проболтайся по секрету, в каком таком спецназе такой премудрости учат?

– Не бери в голову, – отмахнулся от него Стас. – Случайно получилось.

Глава 5

На этот раз воевода привел их не в «оружейную», а в трапезную, о чем не трудно было догадаться по стойкому запаху пищи, который характерен для каждой солдатской столовой в любой стране, в любой армии и в любую эпоху. И по столам, стоящим в два ряда с лавками по обеим сторонам.

Едва бородатый крутоплечий мужик успел поставить перед ними вместительный горшок с кашей, каравай хлеба и глиняные чашки с деревянными ложками, как, грохоча подкованными сапогами, в трапезную вошли притихшие воины. Последним зашел Груздень, видимо, так и не понявший до конца, что же с ним все-таки такое приключилось. Остановился перед Стасом. Долго смотрел на него потусторонним взглядом, скреб железным ногтем затылок и что-то прикидывал да примерял в уме.

– Я не держу на тебя сердца, вой. Сам виноват. Думал, росту ты не мудрящего. Чуть прижму и довольно. Ан нет. Окарался. И поделом. Токмо ты мне покажи, как ты сумел меня опрокинуть. А то вдруг еще такой же ловкий мне на дороге попадет.

– Хорошо, дружище Груздень. Покажу на досуге, коли воевода твой нас в крепости оставит.

– Ты Волк, а значит – нашего рода, к тому же мечник, каких я не видывал. Кто же тебе и твоим друзьям в крове откажет? – изумился Груздень. – Опять же полусотня Тверда без начала осталась. Поживете с нами в кремнике, оглядитесь, речь вспомните. А то вроде и по-нашему, и не по-нашему речете.

– Груздень начальствует над первым десятком, – пояснил Серд. – И сам вой добрый. Вот только любит наперед забежать. А так сам бы давно полусотней, а то и сотней начальствовал. Садись, Груздень, за стол, нечего по за столу стоять.

Зачерпнул ложкой кашу, посмотрел на нее задумчиво и начальственным басом гаркнул.

– Эй, Войтик! Рыба посуху не ходит.

Из неведомых недр трапезной вынырнул такой же, заросший волосьем, мужик и ухнул перед ними на стол кувшин вместимостью чуть поменьше ведра.

Кувшины поскромней размерами появились и на других столах. В трапезной послышались оживленные голоса, и Стас догадался, что не каждый день воевода балует своих подчиненных.

Сдвинулись с глухим стуком кружки. Запрокинулись головы. Дружно крикнули все разом. Ели деловито, истово дую на горячую, заправленную салом кашу и запивая вином, не забывая поглядывать в сторону вновь обретенных родичей.

И только Толяну не сиделось на месте. Елозил задом по лавке. Морщил лоб, порываясь что-то сказать, смотрел умоляющим взглядом на Стаса, толкал локтем Леху и снова переводил взгляд на Стаса.

– Толян, я уже дважды из-за тебя подавился и один раз облился вином. А футболка у меня одна единственная, – заворчал Леха, но Толян, теряя последнее терпение, отмахнулся от него и с мольбой уставился на Стаса.

– Командир, позволь мне с ним, с этим Грузденем... или как его там... на руках... армрестлинг одним словом.

– Это ты, Толян, не ко мне. Это ты прямо к нему... или к воеводе. Только я бы сегодня не советовал. Груздень уже раз проиграл. Зачем же еще раз его подставлять? Или попроси воеводу, чтобы сам тебе противника выбрал.

Воевода прислушался к их разговору и, охотно кивнув головой, поманил рукой того самого мужика, который разносил кашу по столам.

– А вот, Войтик... Чем не пара твоему вою, Волк? Плечом крут, брюхом толст, ликом страшен. Пусть поспорят.

Стас вздохнул и, соглашаясь, кивнул головой.

– Ну, Толян! Сам напросился. Но если проиграешь, месяц будешь палубу драить в нашем кубрике.

Но Толян уже не слышал. Расстегивая на ходу молнию и снимая спортивную куртку, он торопился к столу, который уже очистили от посуды и остатков еды стосковавшиеся по развлечениям ратники. И, разглядев его толстую шею, широкие налитые молодой тренированной мощью плечи, обтянутые белой футболкой, Стас подумал, что рядом с ним Войтик уже не кажется таким огромным и страшным, и забеспокоился. Он наклонился к Лехе и чуть слышно шепнул.

– Скажи этому слонику, чтобы не очень старался. Нехорошо хозяев срамить. Пусть ничью делает. Я с ним потом рассчитаюсь.

Леха посмотрел на разгоряченное лицо Толяна и с сомнением покачал головой.

– Не думаю, что его сейчас остановишь. А дурь в голову ударит, так и вовсе руку сломать может. Рожу-то, рожу какую сделал, хоть самому под стол от страха лезь. А ты говоришь – ничью делать.

– Леха!

– Вот всегда ты так, Стас! Славу всю себе, а мне только подзатыльники и оплеухи. – Огрызнулся напарник и поплелся держать Толяна за локоть.

Стас повернулся лицом к воеводе.

– Пусть ребятки развлекаются. Не будем им мешать, Серд.

– И то. Пусть потешатся. А зря ты паренька своего останавливать надумал. С Войтиком сладить непросто. А учует неладное, так и вовсе обиды не оберешься.

– Пусть лучше он один сердится, чем вся твоя дружина на нас коситься будет. А Толян на другом свое возьмет. Еще тот мальчик.

В трапезной повисла сторожкая, ждущая тишина. Только слышно было надсадное сопение борцов и жалобный стон столешницы. Стас вытянул шею и понял, что увещевания Лехи не пропали даром. Внял-таки парень его просьбе. А если пыхтел и сопел, так больше для приличия. Накачанные в спортзале на новейших снарядах мышцы весело бугрились, играли силой и здоровьем. Локоть, как гвоздем прибитый, утвердился на столе. В глазах горел азарт, и искрилась плохо скрытая насмешка. Иногда он косил глаза на Стаса и тот стыдливо отворачивался, не вынеся этого жалобного взгляда. Победа была явно на его стороне. Лицо противника налилось кровью, губы еле заметные в густой дремучей бороде слились в узкую белую полоску, по лицу катился пот в три ручья. Понимал мужик, что происходит что-то не то. Но вот что – понять не мог.

А Толян, которого непонятно по каким дипломатическим или политическим соображениям лишили совершенно заслуженной победы, уже в открытую куражился и безобразничал, давая ясно понять, что в один миг заломал бы своего противника, если б не высшая воля его начальника.

Ситуацию спас воевода. Скупно улыбаясь, он подошел к борцам и положил свою широкую ладонь на их, сцепившиеся в мертвой хватке руки.

– Все, Войтик, проси пощады. Сила сегодня на стороне нашего гостя и, даст Род, нашего будущего соратника. Видишь, бережет он твою сивую нечесаную бороду от позора. Ты бы не сумел так. А у него и силы и удалства хватает твою лапу по столу возить и в похлебке не вываливать. Ловчей он тебя, Войтик, ловчей.

Войтик вытащил свою мосластую пятерню из ладони Толяна и пошевелил плечом.

– Ловок ты, однако, парень. Чуть плечо мне не выломил. А ведь, к слову сказать, против меня в кремнике никто устоять не может. А ты со мной вроде бы как с цуценом играл. Ну, да

ладно, сегодня поле тебе оставляю, а вот уж на кулачках непременно тебя побью! – пыхтя и отдуваясь, проговорил Войтик и широко, доверчиво улыбаясь, протянул Толян свою открытую ладонь.

Толян был доволен. Получилось еще лучше, чем если бы он размазал этого повара по столу.

– И ты конкретный пацан. Без базара. У меня у самого, братан, рука чуть из плеча не выскочила. В натуре! Покачать тебя малехо, так вообще чума получится. Я отвечаю!

Воевода молча с улыбкой следил за их диалогом, потом повернулся к Лехе и с любопытством посмотрел на него снизу вверх, хотя и был ненамного ниже.

– А ты чем славен, витязь?

Леха оглянулся на Стаса и виновато пожал плечами.

– Трудно сказать. Таких талантов как у командира за мной не водится. По крайней мере, не водилось. Хотя, чем черт не шутит? Может на этой земле и во мне что-то откроется. Одно могу сказать твердо. С коня не упаду и под меч голову не подставлю. Да и в кулачной драке не всякий по морде попадет. А так? Опер я, сыскарь. Вора могу найти, убийцу... Да ты лучше Стаса спроси. Он начальник. Ему виднее.

Воевода с интересом заглянул в его лицо.

– Не понятно речешь. Но не лукавишь. В остальном верю. Волк пустого человека держать подле себя не стал бы, я так думаю, – сказал он и повернулся к подчиненным. – Все, вои, кончай трапезничать. Десятники, начальствуйте! Да и нам поговорить нужно.

Ратники послушно встали, и трапезная опустела. Только Войтик бесшумно заскользил между столами, убирая грязную посуду и вытирая столы.

Серд повернулся к Стасу и в прищур, требовательно уставился на него немигающим взглядом.

– А теперь реки, Волк, каким злым промыслом или колдовским наущением выкинула вас Сумеречная гора в наш мир? Только без лукавства. Пока только я с тобой говорю, а понадобится, так и волхв с вами толковать будет. А он, наш волхв значит, не из речистых.

Стас понимающе кивнул головой. Служба есть служба.

– Ни умысла, ни промысла, ни колдовства. Видимо, кому-то под горячую руку попались или дорогу не там переходили. А стемнеется, может, и сумею найти на небе ту звездочку, на которой наш дом остался. Не пойму, друг Серд, только – почему так строго? Мы и сразу ничего не скрывали. Если бы задумали плохое, разве кинулись бы выручать ваш дозор? Бездоспешные и практически безоружные. Нам это надо?

– По-всякому бывает, Волк. Нам эта гора такие гостинцы порой преподносит, что и за год не переешь. Те, которых ты на поляне видел, местные. А тех, что из горы выползают, аки тати воровским путем, нам и самим не часто видеть приходится.

Воевода нахмурил брови и тяжело вздохнул. Стас прищурился, наблюдая за ним, и со вздохом полез в карман за сигаретой. Последняя. Но не класть же снова в пачку. Чиркнул зажигалкой, затянулся и с наслаждением выпустил струйку дыма вверх и в сторону.

– А ведь ты, воевода, что-то не договариваешь. Сдается мне, что и вы здесь не всегда обитали. Не с одной ли звездочки мы с вами? Порыться в памяти, так может, и земляками окажемся? – с легкой усмешкой спросил он. – И лицом, и речью, и повадками схожи, словно из одной деревни приехали.

В глазах воеводы забрезжила тень подозрения, но увидев открытое, улыбающееся лицо Стаса, он успокоился.

– Поют про такое вещуны и сказы сказывают. Но, должно быть, давно это было, раз не в памяти, а в сказках осталось. А раз так, так и помнить об этом нечего, – на всякий случай начальственно строго ответил он, намекая, что в бабьи домыслы лезть не собирается. – И, опять же, сам подумай: нас здесь многие множества. И бэры, и туры, и лисьи дети, и беличьи.

А еще и куницы. Ну, эти больше по торговой части. Известно, куница – что веревя. Украсть да обмануть, других таких поискать надо. А лисьи и беличьи дети – те больше охотники. Но когда беда, так и за меч возьмутся, хотя из лука или самострела шапку с головы снимут на скаку. Есть еще бобры... Эти по строительству промышляют. Могут и с камнем работать, но охотнее всего с деревом управляются. Порой такое богатство глазам откроют, что стоишь и диву даешься.

Воевода замолчал, о чем-то думая. Потом мотнул головой, стряхивая короткое оцепенение.

– Эта крепость их работа? – прервал его размышления Стас. – Уж очень похожа эта крепость на работу ромеев.

Стас умышленно вставил в разговор когда-то популярное на Руси название всех европейскихцев. Воевода удивленно поднял брови.

– Каких еще ромеев? Сроду не слыхивали. С этой крепостью – мы их кремниками или детинцами зовем – вообще удивительное дело приключилось. Сначала был кремник ближе к горе. Когда в стародавние времена из горы поползла наружу всякая нечисть, кремник исчез неведомым путем. Только морок от него остался. Да и тот – то пропадет, то останется. Даже народ в нем ходит. Бабы белье полощут. Ребятишки снуют, рты открывают. А ничего, ни единого слова не слышно. На заборолах стражи стоят. Дозор из ворот выходит. Некоторые до сих пор в них пращуров и чуров узнают. А спустя короткое время и этот кремник появился. Тоже чудом. Будто из ниоткуда. Без малого уж лет пятьсот стоит. Долго пуст был. Но гору эту Сумеречную все равно хранить надо было, вот после многих опасений мы ее и заняли. Только уж семьи сюда больше не завозим. Одни вои стражу несут. А чтобы в семьях лад не нарушать, сюда больше снаряжают молодых, да до ратного дела охочих. Да и то – по первой пороше каждый год новая смена приходит.

– Вахтовым методом, значит, работаете? – проговорил Леха. – Дело и нам знакомое.

– Вахта, это как стража?

– Считаю, что и так...

– И что, гора эта часто беспокоит?

– Бывает, и не часто, а бывает – каждую седмицу над ней молнии полыхают. И тогда хоть меч из рук не выпускай.

– А может, они с миром к вам идут? – поинтересовался Стас.

– Да нет! Таких, что с миром, гора еще нам не приносила. Все норуют на нашу сторону забраться. Да еще и с бранью. С добром вы первые пожаловали. Иначе стал бы наш град Соколень держать стражу по всему окоему Сумеречного поля?

– Соколень – это столичный город?

Вопрос остался без ответа.

– И что?

– А ничто! Кого не посечем, за гору загоняем. Бывает и так, что нас посекут. Только вот что происходит. То ли гора идет на нас, то ли какое другое лихо, а только замечать стали, будто Сумерки на нас надвигаются.

– А Сумерки эти, они что, и днем и ночью держатся? – встрял в разговор Толян, сидевший до того с полуоткрытым ртом. – А солнце-то для чего? Оно же светит.

– То-то и оно, что вроде и солнце светит, а все равно – сумерки.

– И что под этими Сумерками скрывается? – любопытство начало разбирать и Леху.

– А кто ж его знает? Сколько дозоров отправляли туда, и хоть бы один вернулся обратно. Уйдут и сгинут.

– Но ведь кто-то же там живет?

– Кто-то, может, и живет. Кто же знает? Раньше жили. С орками этими мы даже торги вели, когда не воевали. Сказано – назад никто не возвращался. Тех, которых мы бьем, совсем

мало в поле остается. Больше туда уходят. Но, удивительное дело, тех, которых побьем, тоже отыскать нельзя. Пропадают неведомо куда, будто и не было их. А сюда сами не ходят. Орков шлют. Народ дикий и невообразимый. Под шапки им заглядывали? Ну, то-то же!

– И что за народ эти орки?

– Может, и орки, а может и еще как. А мы их так зовем – орками. Как они сами себя прозывают, так и мы их кличем.

– А говорить с ними не пробовали? Худой мир лучше доброй ссоры.

– Так, может, и попробовали бы, так не с кем! Мы что, разве не люди? Земли полно. Живи да живи... Не с кем разговоры разговаривать. Орки уж сами подневольные. С ними какие разговоры? Они только разбойничать горазды.

Воевода замолчал и глубоко вздохнул.

– Но Серд, без солнца и дурная трава не вырастет. Им же чем-то кормиться надо.

– А орки зачем ходят?

– Так много ли они унесут?

– Пытали мы их. Так они что-то совсем бессмысленное глаголят! Будто бы под Сумеречным небом все пропадает...

Заметил удивление на лицах слушателей и пояснил, с трудом подбирая слова:

– Не то, чтобы пропадает, а как бы в воздухе тает. Вот как тот кремник. Так после кремника хоть морок остался. А там совсем голо. Даже от земли одна видимость остается. Шаг шагнул и канул...

– Чет я не догоняю, командир, этот базар, – мотнул стриженной головой Толян. – Сидят и ждут, пока на них наедут! Если из-за какой-то непонятной горы все лажа, так взорвать ее к такой-то бабушке!

– Толян, ты чем взрывать-то собрался? – Лехины глаза наполнились искренней скорбью.

Толян сбился с мысли и озадаченно уставился на Леху, но быстро пришел в себя и ткнул пальцем в сторону Стаса.

– А командир придумает, – убежденно ответил он и с облегчением вздохнул, радуясь удачно найденному решению.

Стас повернулся в пол-оборота к Толяну. Легко парню живется. Всегда находится рядом кто-то, кто укажет пальцем в нужную сторону. Хотя по себе знал Стас, что такая слепая вера порой спасает жизни.

Долго молчал, тупо разглядывая половицы под ногами. Затем, не поднимая головы, уставился цепким взглядом в лицо воеводы.

– Сидеть сложа руки на месте нельзя, Серд. Даже худая баба знает, что у соседки на кухне делается. Если не шутил насчет полусотни, я возьмусь за это дело. Мне и самому любопытно узнать стало, что там за Сумеречной горой творится. Если открылась дырка сюда, не откроется ли в другую сторону? Только предупреждаю, мне дохляки не нужны.

Воевода оскорблено дернулся.

– Где ты дохляков увидел? Конязь в дозор кого попало, не шлет. Видел, какие сломки? Один к одному! Да таких, как мои вои, любой воевода в свою дружину возьмет, да еще и немалые куны платить будет.

– Морда да плечи, это, Серд, еще не воин. Мне боец не для красоты нужен, для боя. Из пяти десятков к концу месяца останется от силы половина. Еще через два – десяток. Но этот десяток сломит всю твою дружину. Учить буду так, как учили меня. Не все выдержат, повторяю. Кто-то уйдет в свой десяток. Кого-то отошлю я, но те, кто останется, будут стоять всей княжеской дружины.

Воевода с недоверием покачал головой.

– Не мотай головой, воевода. Я знаю, что говорю. Или, как любит говорить мой друг Толян, за базар отвечаю. Это будут бойцы для скрытой, тайной войны. Хотя не думаю, что ты понимаешь, о какой войне идет речь. В ваш мир такая война придет еще не скоро. И дай-то Бог, чтобы она не пришла никогда. Если ты согласен, вот тебе моя рука.

Пришел черед разглядывать щели в половицах воеводе.

– Я должен оповестить обо всем конязя, а верней всего – оправить тебя и твоих друзей к нему.

– Воля твоя, Серд. Но не потеряешь ли ты время? И надолго ли пропали молнии над Сумеречной горой? И не готовит ли она, эта самая гора, сию минуту новый сюрприз для тебя и твоих воев? А может, по краю Сумеречного леса уже выстраиваются полки для вторжения в твои земли, воевода? И куда они ударят? А пропустишь врага в свои земли, как людям в глаза смотреть будешь? И сможешь ли?

Леха чуть заметно кивал головой, мысленно соглашаясь с доводами Стаса. Он-то знал, что уж если напарнику что-то втемяшилось в голову, он кого хочешь обратит в свою веру.

– Будь по-твоему, Волк! Возьму грех на душу. Просишь месяц, даю... Но в Соколень весть пошлю. Когда начнешь?

– Я сказал – три. А начать? Прямо сейчас и начнем. Объявляй построение, воевода.

Груздень, который на протяжении всей беседы не проронил не слова, сорвался с места и исчез в дверном проеме. Стас незаметно посмотрел на часы, поднялся и пошел следом за ним на улицу. Толян, несмотря на свой немалый вес, юркнул следом. Последним, сгорая от любопытства, вышел Леха. Замыкающим, страдая от сомнений и, чего скрывать, от того же любопытства, потащился воевода Серд.

Стас стоял посередине крепостной площади с часами в руках. Строгое лицо, холодные, все подмечающие глаза, суровая складка губ. Леха с трудом узнавал в этом властном человеке своего бывшего напарника. В который раз за то короткое время, которое прошло после злополучного выстрела в пещере, он видал Стаса с новой и совершенно неожиданной стороны. Сейчас перед ним стоял человек, – пожалуй, даже не человек, а командир, – умеющий повелевать человеческими судьбами и знающий, как это делать.

Между тем перед ним начали выстраиваться воины полусотни. Деловито и по-мужицки основательно оглядываясь, они занимали свое место в строю, бросая вопросительные взгляды на воеводу. Тот, все еще страдая от нерешительности, шагнул вперед и поднял руку. Призывая к тишине и молчанию, хотя и без того вои не проронили ни слова.

– Вот, ребята, ваш новый полусотенный начальник вместо убитого накануне Тверда. Зовут его Волк, а именем Станислав. Вой справный и умелый, сами видели.

Стас, чуть позади воеводы, покачивал на ладони свои часы и вприщур разглядывал вновь обретенных подчиненных.

Воевода отступил в сторону, открывая воям нового начальника.

Нисколько не заботясь о том, поймут ли его, Стас заговорил отчетливо и властно.

– Итак, господа мои, считайте, что кремник ваш захвачен лютым и беспощадным врагом. Так, как вы торопились в строй, простительно торопиться к девке. И то не всегда. Иначе убежит. И через месяц вы будете думать точно так же, как я. В следующий раз на каждой десятке я буду загигать палец. Трое последних отправятся на всю ночь в помощь нашему доброму Войтику, а уж я попрошу его проявить доброту во всю ширь его необъятной души.

Слова Стаса заглушило лошадиное ржание добряка Войтика, которому речь Стаса пришла явно по нраву.

– Человек я мягкий и даже добродушный, но не люблю, когда по моей команде тащатся, как поздно ночью из кабака. Услышал мою команду, лети очертя голову, топчи ногами, ломай стены, но встань в строй прежде, чем успею загнуть последний палец. Разойдись! Последний к Войтику!

Прежде, чем он успел договорить, площадь опустела.

– Не круто ли, Стас? – Леха с сомнением покачал головой. – Я слышал, что нравы в эти темные века были простые, а отношения ясными. Могут и зарезать!

Стас повернулся к нему, и в его глазах заплясал смех.

– А вы, голуби, с завтрашнего дня вместе со всеми в строй. Не хочу потерять последнее, что связывает меня с тем миром.

Леха понятливо качнул головой и дурашливо щелкнул сапогами несуществующих сапог.

– Слушаюсь! Я и сам, командир, понял, что от курса молодого бойца нам не отвертеться. Я правильно говорю, Толян?

– Без базара! После всего, что он нам показал, я хоть сейчас, – на лице Толяна отразилось крайнее нетерпение. – Если я научусь всем его штучкам, пацаны попадают от зависти.

Стас тем временем выдержал паузу и рявкнул от всей души.

– Становись! – И чуть тише: – Я загибаю пальцы! Раз, два... Войтик, примечай несчастных!

Над площадью снова прогремел хохот. На этот раз хохотал не только Войтик. Хохотали и все свободные от стражи и работ.

Раньше, чем он загнул десятый палец, послышалась команда Груздня.

– Разобраться по десяткам!

Стас повернулся к Войтику и виновато пожал плечами.

– Прости, дружище Войтик, не получилось. Хотел помочь по-дружески, а видишь, не захотели вои. Или до еды не охочи? Но ты не отчаивайся. Лиха беда начало!

Новый смех перекрыл его последние слова.

Стас согнал улыбку с лица и медленно, заглядывая в каждое лицо, пошел вдоль строя. Воины и в самом деле были как на подбор. Хоть сейчас в президентский полк! Ростом под два метра, в плечах косая сажень, кольчуги по колено, сверкающие наручи. У пояса меч справа, колчан со стрелами за спиной, лук с другой стороны у пояса. У каждого по доброму ножу болтается на поясе.

Остановился в середине строя, заложил руки за спину, качнулся на носках.

– Друзья мои, через пару-тройку месяцев мы пойдем за Сумеречную гору. А я привык приводить обратно ровно столько, сколько увожу. Поэтому предупреждаю, что это время покажется вам годом тяжелых испытаний. Пойдут со мной только те, кто сумеет выдержать эти месяцы. Разрешаю обижаться, даже ненавидеть, но не позволю ослушаться и одного раза. Забудьте о лошадях. Лошадь нужно кормить, поить и ставить на отдых. Считайте, что на пешую прогулку вышли. Свежим воздухом подышать, ноги поразмять, на природу полюбоваться. Кто не согласен, может сделать шаг вперед. Никто не осудит.

Он замолчал и, выжидая время, обвел строй внимательным изучающим взглядом. Строй не шелохнулся. Ну, что же. Он и не ожидал, что кто-то вышагнет из-за стола, не отведав киселя. Посмотрим, как они поведут себя дальше.

– Учиться будем всему и разом. Владению оружием, ножевому и рукопашному бою, стрельбе из лука...

Из строя долетел до его ушей неясный ропот.

– Я что-то не то не сказал? – удивленно дернул бровью Стас. – Может, хотите показать свое мастерство? Прощу. Ради Бога. Готов и я поучиться.

Смелых не нашлось, и он удовлетворенно кивнул головой. Почесал лоб над бровью и повернулся к воеводе.

– Серд, пока мы побегаем, вели в ста метрах от ворот поставить десять столбов. И не в службу, в дружбу – уступи мне на время свой лук и тул со стрелами, пока я своими не обзавелся. И нож, пожалуй, тоже. А ты, Толян, принеси мечи... Уж бежать, так на равных.

Вои, раскрыв глаза и разинув рты от удивления, следили за этими распоряжениям. Даже воевода не возроптав, протянул ему свой нож и заторопился за луком.

Под десятками зорких, ревниво оценивающих глаз, он закрепил слева на груди рукоятью вниз нож, предварительно покрутив его в руках, вовсе не стараясь удивить зрителей хитрыми пассами. Затем так же, не торопясь, помудрив с перевязью, закрепил за плечом один меч, подтянул ремень, попрыгал... И уже быстрее так же закрепил и второй меч.

Вои молча следили за его приготовлениями и удивленно переглядывались.

Пришел воевода и молча протянул ему свой лук, тул со стрелами и тетиву.

Стас, не задумываясь, упер его одним концом в землю, перекинул ногу в изгибе, зацепил носком ноги за изогнутый конец. Качнулся вперед всем телом и одним движением накинул тетиву. Воевода изумленно крикнул. Или это проскрипел простужено лук?..

А Стас выпрямился, как ни в чем не бывало, поискал кого-то глазами и, простецки щурясь, попросил.

– Войтик, ни за что не поверю, что ты не найдешь для хорошего человека пару сыромятных ремешков!

Войтик ошалело переводил взгляд с лука на Стаса и наоборот и словно не слышал его просьбы. Потом тряхнул головой и посмотрел в его лицо.

– А? Ремешки? Какие ремешки?

– Войтик...

– А, ну да, конечно, – растерянно отозвался мужик и, качая головой, словно сгоняя оторопь, исчез в своем хозяйстве. Обернулся он быстрее, чем можно было ожидать при его комплекции. Протянул два длинных ремешка Стасу и застыл рядом, не сводя с него немигающих глаз. Два не хитрых морских узла, и колчан с притянутым к нему тулом плотно лег за спину поверх мечей. Закинул руки за плечи. Попробовал, как выходят лезвия из ножен. Еще раз попрыгал.

– Леха, где он всему этому научился? – пробасил на ухо Толян.

– А я откуда знаю? Рот закрой.

– А его не открывал, – обиделся Толян.

– Так ведь открыт.

– Значит, сам открылся. Так у них тоже открыт, – Толян кивнул головой на молчаливо стоящих воев.

– У них еще не так откроется через полчаса.

Леха был явно сердит на своего напарника и срывал зло на Толяне. Хотя парень был, по сути, прав. Баловство с ножом, издевательство над луком и прочие премудрости могли повергнуть в шок кого угодно. И только Груздень хмурил брови и осуждающе качал головой.

– Груздень, в чем дело? Или что-то не так? – спросил Стас, заметив его недовольное лицо.

– Для меча и ножа у мужа пояс есть, а на загровке бабы белье с реки носят... да и нож воеводский потеряешь дорогой.

Стас хотел было пуститься в разъяснения, но передумал. Вместо этого он указал рукой на вкопанное не понятно зачем в двух десятках метров от них в землю бревно.

– На локоть от верхушки. Готов? Серд, махни рукой. Руки по швам, Груздень!

Груздень замер, кося глаз на воеводу.

Взлетела и упала вниз рука. Ладонь десятника цапнула рукоять ножа.

– Все, дружище Груздень! Падай, ты убит.

На десятника смотрели насмешливые серые глаза. Десятник опустил руку с ножом и уставился на столб, в котором плотно сидел тяжелый кованый нож. Бедняге осталось только тяжело вздохнуть и во второй раз за день признать себя побежденным.

– Не тужи, Груздень! Не все сразу дается, – успокоил его Стас. – Просто не учили вас такому. Воевать и убивать, это не всегда одно и то же. Впрочем, слушай мою команду! На пра-во! В смысле одесную... Бегом марш!

Скептически проследил за выполнением команды, брезгливо поморщился и, задавая темп, мерно, будто не торопясь, побежал впереди колонны.

За ним со звоном и грохотом затопали вои его полусотни.

«Ничего, други мои, армия и не из таких дуболомов людей делала! – думал он, изредка оглядываясь на эти громахающие груды средневекового железа. – Я научу вас с вечера сапоги чистить, а утром одевать их на свежую голову».

Часа через два все свободные от гарнизонных забот вои слышали громкий крик дозорного с угловой башни и высыпали на стены. То, что открылось их глазам, мало напоминало тот бодрый боевой отряд, совсем недавно покинувший стены крепости. Жиденькая цепочка едва живых от усталости ратников растянулась едва ли не на полверсты. Запинаясь о мечи, чуть не волочащиеся по земле, спотыкаясь о саадак с луком, вои тащились как одры, то и дело с тоской поглядывая на близкие уже стены кремника. Замыкал это шествие вставших из гроба Стас. До зрителей то и дело доносились его гневные окрики и грозные приказы. Толкая руками в спины бесславно отставших, он поминал в своих речах всех живых и давно усопших родственников, привлекая сюда же пантеон забытых и поныне действующих богов. Но все было напрасно. Не помогало даже упоминание обо всех безграничных просторах хозяйства Войтика и его безграничной души. Наконец, разразившись немыслимым по красоте и богатству словосочетаний ругательством, он махнул на них рукой и кинулся догонять передних, в числе которых был и Груздень. Поравнявшись с ними, он поднял руку и скомандовал.

– Конница противника атакует слева! Луки к бою готовы!

Левой рукой вытянул лук из-за спины, замелькали с молниеносной быстротой пальцы, кидая стрелы на тетиву. Со стен крепости видели, как полдюжины стрел вытянулись в нитку и почти одновременно впились в дальний от него столб, прочертив ровную вертикальную линию.

– За каждую потерянную стрелу завтра добавляется лишних полверсты! – Он, под восхищенные взгляды зрителей, повернулся к кремнику и деловито крикнул: – Войтик! Принимай работников! И складывай в кучу...

– Да пусть их лихоманка заберет! – ухнул в ответ кашевар. – А я завтра к тебе в науку поступаю!

– А не сбежишь?

– Да уж как-нибудь!

– Ну, гляди Войтик, затоскуешь по котлам, не пушу! – со смехом отозвался Стас и от души расхохотался, глядя на умирающее воинство. – Эй вы, идущие на смерть! Привести себя в порядок, подкормиться у нашего друга Войтика и в строй! Морды кверху, гляди веселей! Вы у меня еще орлами летать будете!

Глава 6

И на полусотню обрушился настоящий ад. Стас переселился в ратную избу. Лехе и Толяну поневоле пришлось следовать за ним. И в тот день в избе, сразу же переименованной Стасом в казарму, появился настоящий ротный наряд с дежурным и дневальными по всей форме. Справедливости ради надо сказать, что от ежедневных занятий они не освобождались. Но службу несли справно. Спать у импровизированной «тумбочки» он их отучил в первую же неделю. Лечение у него разнообразием не отличалось. Да и методика была стара, как подлунный мир. Наряд в не очередь. А то и несколько. И на потеху всему остальному воинству здоровенные мужики вылизывали просторный крепостной двор до последней соринки. А в потехе это, не отягощенное особой моралью, воинство границ не признавало. Но, поскольку не существовало и Уставов, то арсенал наказаний у Стаса был практически безграничен. Да и стеснять условностями он себя не желал. Поэтому, как и в доблестной Советской армии, почившей в бозе, новобранцы через неделю боялись на стенки оглядываться и безропотно смирились со своей мученической участью. Тем более что, откажись кто из них, сраму не испытать по гроб жизни. Осталось одно – терпеть и страдать.

А страдания начинались, едва в затынутом бычьим пузырем крохотном оконце забрезжит рассвет.

– Рота, подъем! – нараспев звучал хорошо поставленный командирский баритон Стаса. – Вружье! Тревога! Последнему – три наряда в не очередь! Шевелись, сонные тетери!

Расстаться с объятиями Морфея поначалу было особенно трудно. Окраинный гарнизон от глаз начальства далеко, воевода службой не утруждал, день прошел, и ладно – спали до одури, до полного отупения. А с новым полусотенным началось... Ко времени усни, ко времени проснись!

– Разойдись! Отбой!

– Рота, подъем!

И так – до бесконечности. Пока не добился желаемого результата. Не без морально-нравственных трудностей, конечно. Леха, прошедший эту муштру с пятого на десятое в школе милиции, морщился страдальчески и намекал, что уж его-то, как друга и боевого офицера, Стас мог бы и освободить, Толян пыхтел, но не сдавался. Парня грела мечта когда-нибудь блеснуть своими умениями перед братвой. Груздень, оказавшийся двужилым, посмеивался. Войтик, таки добившийся у воеводы перевода в полусотню Стаса, оглушительно матерился, присовокупляя к своей средневековой брани изысканные выражения из лексики Стаса, и ржал при этом во все свое луженое горло.

Маршруты утренних прогулок с каждым разом становились все длиннее и длиннее. И Стас в душе уже начал надеяться, что к концу месяца его бойцы сумеют выдержать около тридцати верст и остаться после этого в живых.

Первый урок не прошел даром.

Уже на следующее утро строй преобразился. Истерзанные собственным оружием, вои весь вечер прилаживали к своим мечам новые ремешки, мудрили и соединяли колчаны с саадаками, но утром стояли в строю преображенными до неузнаваемости. Весь вид портили неуклюжие кольчуги и былинные шишаки на головах. Но с этим приходилось пока мириться. Как и с сапогами. Но Стас, уповая на солдатскую находчивость, не отчаивался.

– На-право! Бегом марш! – командовал он, и грохочущая бронированная колонна скрывалась за воротами крепости.

К их возвращению на площади стояло всегда два-три десятка ротозеев, жадных до скромных развлечений. А развлечений было немало.

Стараниями Стаса, Лехи, Толяна, Груздня и Войтика крепостная площадь преобразилась. За сутки на ней появилась настоящая полоса препятствий. И не какая-нибудь, для отмазки. А такая, на которой и ОМОНу не стыдно было бы заниматься. По соседству с полосой поднялись настоящие гимнастические перекладины, для чего пришлось у воеводы выпросить несколько кованых ломов.

И если кто-то думал, что после легкой пробежки под ясным солнышком прохладным утром издевательства закончатся, то он и предполагать не мог, что все только начинается.

Глядя на все эти орудия пытки, Леха с сомнением покачал головой и с нескрываемым укором прошептал, оглядываясь по сторонам.

– Стас, ты что, спецназ готовить думаешь?

Стас воткнулся в него острым внимательным взглядом и резко ответил.

– Друг мой Леха, ты разве не понял, что мы здесь навсегда? А таскаться по Богом забытым крепостям я вовсе не собираюсь. Как там говорится? Мы здесь всерьез и надолго. Мы одни. И рядом никого. И это – моя тысяча бессмертных. Мои преторианцы. Хотя, нет. Преторианцы умели и продавать. Обойдемся без них. Пока вот только эти. Но скоро будут и другие. Те, кто поверят в меня. В тебя. Даже в нашего Толяна. А уж вышколю я их так, что все известные «тюлени» и «котики» рядом не стояли. О таком материале, какой попал в мои руки, только мечтать можно! Ты понял меня, напарник? Или ты со своим образованием готов торчать вечность в этой крепости с дубиной в руках?

Леха обиженно мотнул головой.

– А раз так, не корчи обиженный рожи и помогай!

И рванулся к полосе препятствий.

– Всем смотреть и запоминать!

И змей скользнул в лабиринт. Вправо, влево, вправо, влево. Упал на живот, вжался в землю, словно слился с ней... Кувырок, еще один, откат в сторону. Нож выпорхнул из руки, воткнулся в пустую глазницу одетого на кол шлема. Как по земле, пробежал по отвесной стене штурмовой башни и он уже в окне. Вскинулся во весь рост, подпрыгнул, повис в окне второго этажа, подъем переворотом, снова прыжок и из окна третьего этажа прыжком на канат. Канат зашипел в ладонях. Бревно... Добрый мужик такое бревно ладонями обхватит, а Стас по нему, как по широкой дороге бегом и на вкопанные торчком пеньки. С пенька на пенек, с пенька на пенек. И снова кувырок – один, второй, третий. Два ножа в глазницы еще одного шишака. Рукоход... нырок, кувырок...

Выпрямился во весь рост, отряхнул брюки и окинул строгим взглядом строй.

– Вот примерно это я должен увидеть от вас через две недели. Зачем, объяснять не буду. И так все понятно. А чтобы еще понятней было – налево! Из кремника шагом марш! Войтик, бегом за кошкой...

Остановил воев перед стеной кремника недалеко от ворот. Войтик подал ему кованую кошку с привязанной к ней прочной веревкой. Стас осмотрел узел и, видимо, оставшись доволен, не спеша, раскрутил ее и закинул на стену. Зубья кошки лязгнули о камень стены. Дернул несколько раз, проверяя надежность, отошел на несколько шагов, разбежался, подпрыгнул, схватился двумя руками за веревку и побежал по стене вверх, едва касаясь ее носками кроссовок. Подтянулся, вскинул послушное гибкое тело на стену и встал во весь рост, помахивая рукой. И прежде, чем воины успели опомниться, он снова повис на канате. Уперся ногами в стену, выпрямился и бегом, вниз лицом, спустился обратно.

Воевода, снедаемый любопытством, наблюдал за всем происходящим со стены. Забыв о начальственном чине, рылся в дремучей бороде и шлепал губами, что-то соображая, и потопал вниз к Стасу.

Толян сказал первое, что было доступно его пониманию.

– Вообще реально!

Войтик изумленно крякнул и развел руками.

– И как я затынусь туда? А если затынусь, так обратно мордой вниз опять же. А, Груздень?

Груздень с ответом не торопился. Что-то обдумав про себя, рассудительно заметил:

– Он так один мог всю стражу вырезать, а потом, не поспешая, и всех, кто в кремнике. Стас, тем временем, оглядел ошеломленные лица и, улыбаясь, спросил:

– Кто может повторить?

Желающих, как он и ожидал, не нашлось.

– Ну, что же. Начнем с азов, то есть – сначала.

И повел всех к перекладине.

– Толян, десяток оставляю тебе на растерзание. Делай с ними что хочешь, но чтобы каждый мог подтянуться не меньше двадцати раз. Подъем переворотом, само собой разумеется, ну, и все, что вспомнишь из школьной программы. Про «упал и отжался» не забудь.

Широкое лицо Толяна осветила счастливая улыбка.

– Ты радоваться не спеши. Показать-то сам сумеешь?

Толян обиженно сверкнул глазами и вместо ответа пружинистым спортивным шагом подошел к перекладине.

Стас не стал смотреть на предъявленные доказательства спортивной подготовки братка, а повернулся к Лехе.

– Тебе досталась полоса. Каждый день после прогулки до обеда и до той поры... Ну и, наконец, друг мой Груздень. За тобой стена... Не старайся повторить в точности все то, что я показал. Побьетесь. А мне покойники без надобности. К тому же, Войтик вызывает симпатию. Менять команды ежедневно. После обеда бой на мечях и рукопашная. Разойдись! – закончил он и повернулся к воеводе.

– Ты чем так озабочен, Серд?

Серд снова зашлепал губами, ловя за хвост уплывающую мысль.

Стас понимающе кивнул головой.

– Думаешь, не тому учу твоих ребят, воевода? Может, ты и прав. Не всякая мамаша после этого захочет поздороваться со мной на улице. А уж о том, чтобы подать ковш воды, так и речи быть не может. Прав ты, слов нет. Не на богатырский поединок готовлю. Где уж мне...

– Диковинно речешь. А творишь – и того диковинней. И стрелы мечешь не по-нашему. И мечом рубишь не так. А все выходит так, что удача на твоей стороне оказывается. И с улыбкой все, а вроде зверовато.

– Что подделаешь, брат воевода. Там, откуда мы пришли, другие войны... и другой счет. Да не ломай ты голову, Серд. Пойдем лучше, твои закрома посмотрим. Не по душе мне одежда на ребятах. Может, полегче что найдем. Того и гляди, заблудятся в кольчугах, – ответил он, краем глаза следя за происходящим на полосе препятствий. – Леха, вели скинуть к чертовой матери это железо. Пусть налегке побегают, попривыкнут к препятствиям. Ну-ка, встань к стенке и сложи ладони ковшом.

Оставил изумленного неожиданной добротой воеводу, разбежался и как по лестнице взлетел по подставленным Лехиным ладоням и плечам на окно штурмовой башни.

– Так они же сапожищами своими друг друга искалечат. У них подковы приколочены, как у битюгов, – несмело возразил Леха. – Уж я-то точно в сторонке лучше постою.

Но Стас уже не слушал его и снова подошел к воеводе.

– И вот еще что, Серд. Я тут видел кузницу, а кузнец, часом, в твоём хозяйстве не водится?

– Отыщется и кузнец, – воевода был окончательно сбит с толку.

– Вот и славно. С завтрашнего дня отдай его мне. Одежонку новую справим бойцам, – решительно сказал Стас, увлекая воеводу по направлению к избе, в которой, как он знал, были свалены привезенные трофеи.

Воевода нехотя поплелся за ним, заранее полагая, что замышляется очередное коварное, а может даже и подлое надругательство над славным воинским духом вверенного ему гарнизона.

В полутемной избе, свет в которую пробивался в крохотное волоковое оконце, Стас долго рылся в беспорядочно наваленной воинской сбруе, отдавая предпочтение тем панцирям, которые они содрали с убитых орков. Не раз он ловил на себе полный осуждения взгляд воеводы, но всякий раз оставлял его без всякого внимания, переходя от панциря к панцирю и, наконец, удовлетворенно качнул головой.

– Вот эти забираю, – сказал он и ткнул пальцем в сторону отобранного им железа. – И мечи тоже!

Воевода хотел возразить, но что-то во взгляде Стаса остановило его, и он обреченно махнул рукой, пожалев, что поддался на уговоры и не отправил незваных гостей в Соколень.

Стас понял его и, полюбив за просторные плечи, успокоил.

– Не бойсь, воевода. Все путем будет, – и, словно вспомнив, мимоходом добавил: – Кстати, ножи из твоей кладовой я тоже все заберу. Все, какие есть. Что им место зря занимать и ржаветь без дела?

Серд хотел обидеться. Оружие хранилось образцово. Вычищено, смазано и развешено, как посуда у доброй хозяйки.

– Так ты, Серд, пришли мне своего кузнеца. Дело не терпит. А сейчас пойдем, посмотрим, как учеба идет.

Воеводе ничего не оставалось, как тащиться следом. Понимал мужик задним умом, что как-то само собой получилось, что у него перехватывают вожжи из рук, но сделать что-либо был не в состоянии.

Оставалось либо смириться, либо...

Леха на полосе препятствий доводил своих подопечных до пота. Спины лоснились. Промокли даже портки под широкими поясами, но пощады не просили. Раз за разом отправлял он их на штурм, и вои безропотно бросались в лабиринт, ползли под тонкими жердями, карабкались на штурмовую башню, жгли руки на канате и зарабатывали синяки, падая в очередной раз с бревна.

Толян тоже трудился, не щадя своих бойцов, помогая им зарабатывать мозоли на перекладине.

Стас одобрительно закивал головой.

– Толян, покажи ребятам класс. Ну-ка быстренько упал и отжался. Пусть посмотрят и увидят, что ты умеешь не только руки ломать.

Толян что-то смекнул и живехонько упал на сжатые кулаки, Стас пристроился поудобнее на его просторной спине.

– Поехали, Толян! Раз, два, три...

Налитые чугунной тяжестью, послушные руки парня работали без усталости, подобно кривошипно-шатунному механизму. Видя на себе удивленно-восторженные взгляды воев, он даже умудрился наращивать темп.

– Молодец, Толян! Братва твоя могла бы гордиться тобой. Ну, и я доволен, – похвалил он парня за старание и повернулся к воеводе, который редкий день не появлялся рядом с ним. – Пойдем, воевода, посчитаем убытки у любителя кулачных забав. Может, уже всех побил под стеной? Или нет? Как ты считаешь? – непонятно: то ли в шутку, то ли всерьез спросил Стас.

Легкость, с которой Стас произнес последние, совсем не шуточные слова, заставила воеводу вздрогнуть и заторопиться к стене. Но и там, вопреки его ожиданиям, все было благополучно. Ни мертвых, ни покалеченных.

– Смотри ты, что делается! – повернулся он к воеводе. – Даже Груздень жив. И голос не проорал. Хоть в дьяконы его назначай. Или вы не завели еще таких? – изумился Стас. – Заканчивай, Груздень. Пора на обед! Войтик!

Могучий повар подбежал, словно только и ждал его команды.

– Сдается мне, дружище Войтик, что ты потчуеть нас кониной, – с легкой улыбкой спросил он.

– А то чем же. Коров не держим. А коней вы эвон сколько нагнали. Все равно передохнут. Кормить-то нечем. А у тебя конину душа не принимает или как? – с любопытством проухал в ответ Войтик.

– Или как, Войтик. Или как... А шкуры ты куда деваешь? – Стас поскреб переносицу.

– Так известно куда. В сарай. Куда же еще?

– И много их там?

– Так все, сколько есть. Вас же шкурами не накормишь.

– Что правда, то правда. Народ здесь исключительно привередливый. А в еде так и вовсе. Заелись. Шкуры отвергнут. Решительно и бесповоротно. А может быть, даже и нагло. Покажи.

– А что их глядеть? Шкуры как шкуры. С шерстью, – растерялся Войтик. И будто оправдываясь, добавил: – Правда, без копыт.

– Скормил таки? – вклинился воевода.

– Да где же ты их углядел, воевода? – ухмыльнулся Войтик.

– От тебя всякого ожидать можно. В потемках много ли разглядишь? – не на шутку забеспокоился Серд.

– Подкова, воевода, даже в твое горло не пролезет. К тому же попробуй ее распарь, – улыбка Войтика стала еще шире. – Разве что одну... от силы – две. И то – случайно. Нена роком. Стал бы я нарочно подковы варить? Сам посуди. Какой мне в том резон?

– Ты и без резона, образина борода, можешь. Только из своего вредного норова.

Войтик шагал широко, размашисто. Стас почти бежал рядом, с интересом следя за их, судя по всему, не первой перепалкой.

– И опять ты, воевода, напраслину на меня наносишь. Из одной вредности не мог я тебя подковами обкормить. Разве только спьяну? Опять не выходит. Чтобы до такого изумления напиться, сколько мне зелена вина надо? Вот то-то и оно! Хотя, стоит попробовать... – Войтик задумался и замолчал. – Нет, не мог я тебя подковами накормить, воевода!

Заскрипела дверь сарая. На Стаса пахнуло запахом протухшего мяса и прокисших шкур. В воздух взвились полчища ядреных зеленых мух.

– Смотри, как откормились на дармовых харчах! – возмутился Войтик. – Скоро вовсе сюда не зайти будет. А жирные-то, жирные какие! Аж морды лоснятся.

– У кого?

– Так у мух же! Не у меня же. Моей-то морде откуда лоску набраться? С конины разве так отъешься? А им такая еда в самую пору. Хоть бы ты им сказал грозное слово что ли? Как-никак, воевода.

– Кому?

– Так мухам же. Подумают, что я у них харчишко пришел отнимать, и не пустят. А куда я шкуры девать буду?

– А это не твоя забота, друг мой Войтик, – решительно вмешался в их милую задушевную беседу Стас. – Смотри сюда.

Он присел на корточки и ножом на гладко утоптанном земляном полу начертил сапожок, похожий на мокасины индейцев, только на ладонь выше щиколотки.

– Подошва из спинки шерстью назад. На каблук свернуть вдвое. А верх можно потоньше. С брышка. Как думаешь, воевода, легче в таких сапогах бегать будет или нет?

Воевода неуверенно покрутил головой.

– Не знаю, – вразяжку промычал он. – Может, и легче, а только надолго ли их хватит?

– А нам надолго и не надо. Правда, Войтик? Нам только туда и обратно сбегать. К тому же – даром достанутся. И мамка ругать не будет, если даром.

Войтик долго молчал, пыхтел и разглядывал рисунок. Потом что-то смекнул и заулыбался.

– Известное дело, легче. К тому же нога на траве назад проскакивать не будет.

– Вот и славно. Через две недели, Войтик, все должны быть в новой обуви!

– Не понял, – ошарашено воззрился на него Войтик, как две капли делаясь похожим на Толяна.

– Войтик, милый ты мой! – с самыми задушевными интонациями проговорил Стас и доверительно похлопал его по необъятной груди. – Давай договоримся так. Понимать буду я, а ты будешь делать. Так ведь проще? Правда?

– Так вроде проще. Но...

– Войтик, две недели! Иначе самого на сапоги пушу. Ты мне веришь?

Голос звучал проникновенно, источал такую ласку, что не поверить было нельзя. Да и серые твердые глаза не позволяли не только не верить, но даже усомниться в том.

Войтик вздохнул, с тоской посмотрел на гору шкур, перевел взгляд на воеводу.

– Надо же было так жрать! Это ж сколько шкур успели выпростать! Знал бы, отрубями кормил!

– Эх, Войтик! Хоть одна рука в кремнике появилась, которая тебя за бороду оттаскала, – не без зависти возрадовался воевода, втайне завидуя той легкости, с которой Стас укротил неукротимого детину Войтика.

– Людей бери сколько надо, Войтик. Не велика премудрость по ноге подошву выкроить и дратвой прошить. Спать меньше будут. А то глаза опухли...

– Но...

– Обойдемся без всяких «но». Сапожничать только в свободное время.

– Но...

– Войтик, душа моя. Еще раз услышу «но» и ты пойдешь мести двор.

Войтик выкатил глаза, открыл рот и тут же захлопнул его, с тоской зыркнув на воеводу.

– Сам напросился, чуча бородатая! – злорадно ухмыльнулся воевода и оглушительно расхохотался. – Жил себе между котлов, горя не знал. Так нет же, в науку полез! Вот и получаю чай.

А Стас, не слушая их, уже торопился на «спортплощадку».

– Груздень, волокни сюда оружие.

Груздень махнул рукой, подзывая к себе помощников, и исчез под навесом, где ровной грудой лежали гладко выструганные, в два пальца толщиной метровые дубины. Отдельной кучкой лежали такие же палки, но длиной вдвое короче.

Стас, не выбирая, поднял одну из них, взвесил на ладони, покрутил ее кистью и остался доволен.

Время заставляло спешить. Он уже не раз пожалел, что определил для себя такой короткий срок. Что можно сделать за месяц? Пусть даже за три. Вот и приходилось валить все в одну кучу, уповая на то, что дюжие мужики, не отягощенные наукой, сумеют запомнить хоть малую толику из того, что он валил на их головы.

– Итак, судари мои, зарубите себе на носу, вдолбите в свои головы, что мне молодецкая удаля в бою не нужна. Бой, я уже говорил воеводе и скажу вам, не богатырский поединок девкам на удивление. Тем более что и девок рядом не будет. Они вас дома живыми и здоровыми поджидают. «Размахнись рука, раззудись плечо» – это не для нас сказано. Руби, режь и коли все, что оказывается рядом. Тогда и вас кто-то выручит. Я понятно говорю?

Было заметно, что не очень понятно, но вопросов он не дождался.

– Очень мило. Тогда благословясь и начнем. Желающие, два шага вперед! Могут попытать удачи и те, кто зуб на меня точит... – скупая улыбка появилась на его губах.

Как он и ожидал, в числе добровольцев оказался Груздень, за ним заторопился чуть не опоздавший к самому веселью Войтик. Оглядываясь на товарищей, вслед за Войтиком вперед шагнули еще двое, пожелавших попытать счастья.

– Чтобы случайно не порезать пальчик, вместо мечей и ножей будем биться вот этими дубинками, – Стас снова закрутил свое оружие в руках. – Прошу, господа мои. Я к вашим услугам. Груздень, ты почему такой робкий сегодня? Войтик, или у тебя нечего мне сказать?

Войтик, как и ожидалось, не выдержал насмешливого тона и очертя голову, подняв дубину над головой, ринулся в атаку. Стас выждал несколько секунд, как тореадор на корриде, выгнул спину, повернулся на пятке и Войтик пролетел мимо, успев получить чувствительный удар в спину. А Стас прыгнул головой вперед между тройкой нападающих, перевернулся через голову и, вскочив на ноги, оказался у них за спиной. И сразу нанес три молниеносных удара.

Мало что понимая, мужики застыли с опущенными дубинами. А за спиной прозвучал негромкий смех и тихий скорбный голос.

– Невестам придется поискать других женихов, ребятки. Я же предупреждал, что мне богатырский поединок не нужен. Войтик, ты что, в самом деле думал, что я полезу под твой удар? Нашел дурака! А я уступил тебе дорожку и – готовьте тризну. И один против троих не полезу. Хотя вру. Против троих, может, и полезу, если разозлят... а в спину – сколько угодно. Хитрость не велика. И нет никакой нужды махать мечом со всей дури. Им, как и ножом, можно колоть и резать. Вот так. И так... и так!

Каждое свое слово он сопровождал действием.

– Защита! Блок! Нападаю!

Вои уже не думали, что в его руках обычная палка. Грозное оружие разило насмерть. Ноги делали крохотный шаг, легкое движение кистью и меч вонзался в подбрюшье, или косым росчерком разрезал грудь, отсекал руки, распарывал горло.

– Не дрова колите, не лесину валите. Если не вы его, то он вас! Выбор не велик. Показываю еще раз!

И снова, словно танцуя, медленно по движению проделывал все, что вои видели в беснующемся вихре молниеносных атак.

– Повторяем вслед за мной! Груздень, молодец! Войтик, не маши руками, сквозняк нагонишь! Толян, легче кисть, легче! Блок снизу. Уклон. Атака! Еще раз! Кувырок. И в спину, поперек позвоночника, под броню! Так его.

Полсотни дюжих тяжелых мужиков неуклюже топали сапогами, сиюсья повторить его легкие танцующие движения.

– Не так! Удар сзади в голову. Меч за спину, ставь блок!

Движение кистью и меч в его руке переворачивается лезвием вниз и бьет без размаха в пах. И сразу же – ножевой режущий удар под подбородок.

Воевода, наблюдающий за этим действием со стороны, ощутимо услышал, как с глухим стуком упала отрезанная этим ударом вражеская голова, и невольно поежился. А жуткое оружие этого невысокого и дьявольски ловкого воя, не останавливаясь и на вершок, снова вернувшись в привычное положение, уже опускалось на плечо очередной жертвы.

– Блок! Он ждет удара, а ты коли. Вот так! И нападай сам. Он не знает того, что знаешь ты. Атака сверху, нырок и наискось! Переводи удар.

И снова движение кистью. Меч перевернулся в руке и прошел снизу вверх, вскрывая живот.

– Угадай атаку! Не по мечу. По глазам. По ногам. Удар начинается там. Рука – только продолжение атаки. Дрогнул носок. Жди удара. По глазам угадаешь, куда кинется меч. И сразу – блок. Не лезь под каждый удар. Пропусти мимо и бей сбоку. Не можешь сразить, покалечь, чтобы больше не мешался. Режь подколенные жилы. Иногда помогает. Обойдемся без поединков. Нам глупостями заниматься некогда. Удар! И вперед! Добьет тот, кто идет следом.

Говорил просто, спокойно, но от этой простоты у воев холодела душа, и мороз проди- рал по коже.

– Встали попарно. Только не горячитесь. А то покалечите друг друга, а с кем я оста- нусь?

Окинул зорким глазом площадь. Показалось, что вроде прибавилось воев в строю. Так и есть. Кое-кому из других десятков захотелось попробовать себя в диковинной науке. При- строились незаметно. Тоже топчутся. Ну и пусть топчутся, вреда не будет. А если что и запомнят, так только на пользу.

– Серд, не желаешь размяться? – шутя, пригласил он воеводу широким движением руки.

Воевода отрицательно помотал головой.

– Страшно учишь, Волк, ребят. Жутковато делается от твоей науки. Как бы не испортил ты мне их.

Стас вздрогнул от неожиданности и озадаченно уставился на воеводу.

– Так ведь и вы, воевода, не капусту рубите, а живых людей.

– Рубим. Не без этого. Только мы по старинке все делаем. После нашей рубки человек еще уберечься может, а после твоей – мертвое поле.

– Вот ты, оказывается, какой, воевода, – негромко сказал Стас и вздохнул. – Хорошо бы еще те, кто на вас тьму напускает, так же думали. Только не верю я в это. А за ребят своих не бойся. Они ведь и мои сейчас тоже. Тот, кто узнал, что жизнь человеческая с душой тонюсенькой ниточкой связана, кровь понапрасну лить не будет. Ни свою, ни чужую.

– Хорошо бы...

– Поверь мне. Настоящий боец жизнь зря не отнимет... – и снова вздохнул: – Не первый год этим ремеслом занимаюсь.

Помолчали, наблюдая за происходящим на площади.

– Леха, Толян, Груздень! Ко мне...

Все трое оставили своих партнеров по поединку и со всем поспешанием подбежали к нему. Леха даже щегольски отсалютовал своей дубинкой, как драгоценной благородной шпагой.

– Атакуй!

– Все сразу? Или по очереди?

– Как вам угодно будет. Да атакуйте же, черти! – рассердился Стас.

– Командир, ты без оружия, – скромно заметил Толян, осторожно наступая на него.

Парень чувствовал, что для них припасен какой-то подвох и уступал право первого удара нетерпеливому десятнику. Но и тот, наученный горьким опытом предыдущих схваток с новым начальником, на этот раз действовал осторожно и с ударом не торопился, благо- разумно заходя к нему с боку.

Леха, разгадав хитрость десятника, оставил Толяна лицом к лицу со Стасом и двинулся в атаку с другой стороны.

Толян, в юные годы, баловавшийся нунчаками, качнулся на ногах, обозначая удар, и сразу же нанес колющий удар в грудь. Стас сделал неуловимо быстрое движение, пропустил удар мимо, перехватил руку Толяна. Парень описал вокруг него круг и повалился к ногам воеводы, ошеломленно хлопая глазами. Его дубинка оказалась в руках Стаса как раз в тот момент, когда оба его противника готовы были нанести одновременные удары.

– И не совестно. Вдвоем на одного, – укорил он, отражая удары.

– Сам напросился, – едко ответил Леха, переводя удар сверху вниз. – Груздень! Дружно! Но Груздень не спешил, выжидая удобный момент для нападения. И опоздал!

Стас, не дожидаясь Лехиногo удара, метнулся навстречу десятнику. Воеводе показалась, что на какое то время он словно растаял в воздухе, а когда появился, Груздень уже стоял без оружия и с недоумением смотрел на пустые руки. А его дубинка была в левой руке Стаса.

– Проси пощады, Леха! – на лице Стаса снова появилась добродушная улыбка.

– Красные не сдаются! – в тон ему, гордо вскинув голову, ответил Леха и с присущей ему бесшабашностью ринулся в атаку.

Но при всем своем азарте дурь не кружила ему голову. Действовал расчетливо, умело, используя свою спортивную подготовку и уроки Стаса. И тот не стал над ним куражиться. Двумя ударами выбил у него из рук дубинку и, подкидывая ее, как в детстве чирик двумя своими, распорядился.

– Все, ребятки! Обедать! Загоняли вы меня. После обеда – короткий отдых, и снова в бой. Покой нам только снится. И вот еще что, орлы... чтобы больше я ваших небритых рож не видел. Одичали совсем.

Сам он был гладко выбрит, и Лехе даже казалось, что от него несет дорогим одеколоном. Он обиженно всхрипнул и мотнул головой в сторону воеводы.

– А им можно? И кто на нас смотрит?

– Я смотрю, друг мой Леха. Командир должен пример показывать, а ты шерстью зарос, как дикобраз. И Толяна плохому учишь. А эти... – И он тоже указал головой на воев и снова повторил: – А эти завтра ногтями свои бородачи выдирать будут!

– Так уж и будут.

– Толян, как ты там говоришь. Я отвечаю?

– Реально!

– Ну, так и я отвечаю.

Глава 7

Следующий день начался как обычно.

Бодрый голос Стаса сорвал всех с лавок, скинул с полатей, на которые у Стаса давно зуб горел. Портили они, проклятые, весь строгий казарменный обиход, да и только! Ни тебе равнения по шнурку, ни тебе заправки с воротничком!

Леха с нетерпением ждал, когда же Стас примется за лешачьи бороды, но Стас даже словом не обмолвился.

Утро началось, как обычно.

Две просторные ладони в бочку с водой, две горсти в лицо, чтобы согнать остатки сна и направо, бегом.

Верст через десять Стас остановился и огляделся. Чем-то ему это местечко понравилось.

Не давая отдышаться, остановился перед строем и выдернул из ножен свой нож.

– В нашей с вами работе, ребятки, чаще всего успех боя будет зависеть вот от этого инструмента. Вы привыкли им крошить хлеб, резать сало, иногда в пьяной драке попугать соседа, ревнивого мужа. А это оружие пострашней меча. С мечом, конечно, покрасоваться приятней. Опять же люди видят. А на миру, как у нас говорят, и смерть красна. А нож – оружие неожиданного, скрытного боя.

Он говорил добродушно, с той легкой улыбкой, к которой вои уже привыкли, а нож летал в его руках. И вои смотрели уже не на него, а на этот нож, который, казалось, жил своей собственной жизнью и нисколько не зависел от рук его владельца. Вот он в правой руке, левая рука совершает молниеносное движение, и нож исчезает, легкое движение пальцем и лезвие молнией сверкает и тут же исчезает снова. Разинув рты, вои пытаются угадать направление удара, а нож каким-то чудом летит из левой руки в правую, и снова – не отразимый удар... И снова его руки пляшут перед их лицами, и невозможно предугадать – из какой руки выскочит нож в смертельном ударе. И сколько у него рук? Две, как у всех нормальных людей? Или немного больше?

– Дело это, прямо скажу, ребятки, красивое, но малопривлекательное. Но история знает случаи, когда именно нож решал судьбу сражений. Показываю еще раз...

И руки его медленно, по движению начали вычерчивать в воздухе замысловатую вязь.

– Не смотрите на нож, следите за глазами противника, если вы позволили ему полюбоваться на ваш образ. Хорошо, если вам повезет, и вы избавитесь от его присутствия первым же ударом. А если нет? Обездвижьте, лишите его препакистой привычки мелькать у вас перед глазами, суетиться и размахивать ножом или хуже того – мечом.

И его нож менял положение. Скупое точное движение – и он уже режет паховые жилы. Снова меняет положение, и трещат сухожилия на руке.

– А после этого он ваш. Целиком и полностью. Можете делать с ним что угодно. Он возражать не будет. Можете, если не позволяет кольчуга, провести лезвием по горлу. Можно по глазам. После этого вашему противнику долго будет не до вас.

Нож, не уставая, порхал и порхал в его сильных послушных руках.

На какое время ему показалось, что в глазах его слушателей появился страх, и он недовольно поморщился. Даже в глазах Толяна появилось что-то чужое. А Леха смотрел с явным осуждением.

– Не спорю, что было бы намного лучше, если бы противник не успел к вам повернуться лицом. Не пришлось бы долго уговаривать, но так бывает не всегда. К нему ведь еще и подобраться нужно. А если он не захочет пустить вас в гости по доброй воле? Леха! Бери с собой три десятка и вон туда... Занимай оборону. Я место смотрел. Вполне надежное. Обо-

рону занимать скрытно. Заодно и посмотрю, чему на полосе препятствий научились. Бой до первого касания. До мордобоя дело не доводить. Кого рукой коснулись, убит. Падай и послушно умирай. Задача ясная?

Крепкий, грудастый парень, мало в чем уступающий Толяну, дернулся вперед и открыл было рот, но, встретив недоумевающий взгляд Стаса, так и застыл, забыв его захлопнуть.

– Веселин, ты чем-то недоволен?

– Так там же колючек! До ночи не обобраться, воевода.

– Веселин, друг мой, с меня вполне достаточно будет, если ты будешь звать меня просто командиром. А на колючки наплюй. Что ж ты такой любопытный-то? Я же не на цветочки тебя посылаю любоваться. Ты еще венок по дороге любимой девушке сплети или букетик нарви. А другой ягодок захочет. И как тогда воевать? А, Веселин?

Всегда готовый расхохотаться, Войтик на этот раз воздержался от проявления чувств и озабоченно почесал бороду.

– Так ягодам не пришла еще пора.

Стас не смог удержаться от злорадной улыбки.

– Груздень, ты получаешь под начало второй взвод и заходишь им в спину. То есть с тыла, говоря военным языком.

– Так у них же народу больше.

– А ты, Груздень, скрытно. Ползком на брюхе, чтобы не заметили... Подумав, да прикинув.

Груздень засопел, уткнувшись взглядом в густую жесткую траву с множеством колючек, и потянулся широкой ладонью под шишак.

– Правильно, Груздень. Именно там и ищи пути-дороги к лагерю злого и кровожадного врага. Все ответы только там, – улыбнулся Стас. – Врасплох. Как снег на голову! Хотя, что я говорю, у вас может, и снега-то не бывает. Тогда, как орел на ягненка. И бесшумно.

– Как же! Жди. Они сейчас во все глаза таращиться будут!

Леха прислушался к их занятой беседе и не утерпел.

– Не, Груздень. Спать ляжем, – и улыбнулся самой противной из всего своего богатого арсенала улыбкой.

– Все, Леха. Шутки в сторону. Времени тебе даю для занятия рубежа ровно час. И – ни минутой больше.

– Так я же часы дома на полукомоде оставил, – попробовал поторговаться Леха.

– Леха, не зли меня. Ибо я страшен в своем гневе, – Стас притворно свел брови на переносице. – За каждое слово буду убавлять по две минуты. Вопросы.

– Понял, командир. Исчезаю! – шутливо бросил два пальца к виску лохматой головы и – как кабан ринулся в заросли колючек.

– Взвод! За мной! Последнего лишаю заслуженной вечерней чарки! – долетел до Стаса его начальственный голос.

– Ну, то-то же! – Стас удовлетворенно качнул головой и повернулся к Груздню: – А тебе, друг мой Груздень, придется обождать. А чтобы не скучно было, почешем кулаки. Толян!

– Да я рядом, – отозвался парень.

– Вот что, Толян. Наверняка ты в своем непростом и опасном бизнесе начинал с быков.

– Ну, было. В натуре.

– Тогда ни за что не поверю, что тебя не натаскивали на карате и кикбоксинг.

– Реально, командир. Без отмазки, – охотно, даже с легкой примесью гордости согласился Толян.

– Вот и славно. Назначаю тебя заместителем командира взвода к нему, – Стас взглядом указал на десятника. – Можешь пришивать сержантские погоны. К обязанностям при-

ступай немедленно. А для начала проведи занятие по рукопашному бою. Если что не так, я поправлю. Вопросы есть?

Толян от неожиданности чуть слюной не подавился. Выкатил на него круглые глаза, покраснел, как красна девка.

– Без булды, командир.

– Толян! – Стас недовольно поморщился. – Я тебя командиром сделал, а ты чему подчиненных учишь?

Толян извиняюще взметнул руки над головой.

– Все, командир. Всосал! Больше не буду. Зуб даю!

Стасу после этого осталось только обреченно махнуть рукой.

– Хорошо, валяй. Не серди меня. Бойцы и так заждались.

Толян кивнул головой и, повторив Лехин жест, рывкнул во все горло.

– Братва! Слушай сюда. Показываю...

– Толян, начинай с простого, – предупредил Стас.

Толян отмахнулся, и Стасу пришлось, чтобы не подрывать авторитет молодого, но стремительно растущего командира, отойти в сторону.

Толян сноровисто разделся до пояса и потянулся, поигрывая мышцами. Потом легко подпрыгнул и сел на шпагат, растягивая давно не тренированные мышцы.

Груздень и его воины с изумлением следили за этими приготовлениями. А Толян, закончив свою короткую разминку, улыбаясь и нежась под этими взглядами и, явно подражая Стасу, скромно спросил.

– Войтик, может, пободаемся?

Войтик словно только этого и ждал. Раскрыл рот в довольной улыбке и, не раздумывая, шагнул вперед, сжимая пудовые кулачищи.

– Только, чур, мамке не жаловаться, – не то в шутку, не то всерьез предупредил Толян и насмешливо улыбнулся: – Ну, Войтик, покажи себя. Я маленьких не обижаю.

Толян явно подзадоривал давнего противника. И добился своего. Войтик, не снеся обиды, издал утробный рык и ринулся в драку. Толян не сдвинулся с места. В тот момент, когда кулак Войтика вот-вот должен был впечататься в его лицо, он стремительно присел, пропуская удар, развернулся на носке левой ноги и далеко вперед выкинул правую. Удар был резкий и совершенно неожиданный. Войтика подбросило вверх. Он непроизвольно вскрикнул и, как лесина под топором дровосека, плашмя рухнул на землю. Падение сопровождалось гулким ударом. Стасу показалось, что под широкой спиной повара даже просела земля.

Стас одобрительно подмигнул Толяну.

– А что, командир, вообще реальный приемчик. Груздень, возьми свою дубину и поддержи ее вот так.

Груздень послушно выставил вертикально перед собой свой деревянный меч, сжимая его двумя руками.

– Конкретней держи!

Снова разворот, удар пяткой. И крепкая, едва ли не в руку толщиной дубина вылетела из рук десятника, развалившись на две половинки.

– А теперь ты. Только горизонтально. Да не так, бестолочь! – Толян вошел в раж. – Горизонтально, значит – горизонтально. Чему вас только в школе учили? Ну, вот, другое дело.

Резкий взмах рукой, короткий выдох. Несмотря на свой немалый вес и полноту, Толян был ловок и проворен, как черт. Удар! Сухой треск, и в руках осталось по половинке того, что мгновение назад было тренировочным ножом.

– Это только для начала! Эх, жаль, кирпичей здесь нет. Уж я бы показал.

Стас от всей души расхохотался.

– Чего нет, того нет, Толян. Придется, как это ни прискорбно, обойтись без них. Но ты и так, как мне кажется, убедил всех в серьезности своей науки. Хорошо бы подкрепить все это еще несколькими ударами кулака. А можно и больше. Правда, Груздень? Теперь пошли по одному.

Сначала Толян явно осторожничал и аккуратно их укладывал на спину. Так в старых фильмах, – припомнил Стас, – крестьянки укладывали снопы на жатве. Но потом разгорячился, вошел в азарт, и вои полетели в разные стороны, сбитые с ног подсечками и подножками, а то и просто бросками, как чурки из-под топора дровосека.

– Груздень, а ты что стоишь без дела? – Стас повернулся к десятнику. – Так все самое интересное пропустишь.

Но Груздень явно не спешил навстречу событиям. Он внимательно, прищулив глаз, следил за действиями Толяна и своих подчиненных. Стас видел, как подрагивает его тело, непроизвольно повторяя каждое движение. Наконец решился и он. Но не кинулся, как все очертя голову. А осторожно, короткими и по-кошачьи мягкими шагами пошел на Толяна. Затем метнулся же по-кошачьи, облапил его поперек туловища, плотно прижав к нему руки. Но Толян был не прост. Короткий рубящий удар ребрами ладоней по бокам и хватка ослабла. Еще один, снизу вверх под локти. И снова быстрый поворот на пятке, захват... Груздень описал один круг вокруг Толяна, второй, развернулся, плохо соображая, что с ним происходит, и аккуратно лег на землю, уткнувшись бородой в колючки. Колено Толяна прочно утвердилось на его спине, а грубо вывернутая рука покоилась в лапе Толяна и невыносимо страдала от нечеловеческой боли.

Но Толян вовсе не собирался упиваться сладким мигом победы над своим новым командиром. Он отпустил руку, легко вскочил на ноги и, открыто и честно улыбаясь, протянул ладонь.

– Держи пять, начальник. Еще разок? У меня не так прикольно получается, как у командира, но тоже не каждый побьет. Попробуем? Ты на раз сечешь. Должно получиться, – обнадежил он Груздня.

Но тот, выдирая из бороды колючки, отрицательно замотал головой.

– Пожалуй, хватит. И так как собака весь в репьях вывалялся. А поучиться и правда – поучусь. Наука не рыба кость, в горле не застрянет.

Стас довольно улыбнулся.

– Ну, что же. Учиться, так учиться. Время терпит. Разбиться по парам. И вперед!

На этот раз к Толяновой педагогике подключился и он. Гремело железо. Пот заливал глаза, но вои не сдавались. Под взыскательным взглядом Стаса и непрерывными поучениями Толяна мужики волтузили друг друга, забыв обо всех увещеваниях не калечить.

Наконец, терпение десятника лопнуло. Опустив руки, он рявкнул во все горло.

– Сдирай с себя все железо к лешевой матери, пока не доконало оно нас. Лучше под ножом умереть, чем в этом железе заживо свариться.

Стас возражать не стал. Посмеиваясь, дождался пока вои скинут с себя броню и распорядился.

– Леха вас уже заждался, а вы все развлекаетесь. Давай, Груздень. Твой выход. Но смотри в оба! Леха только с виду рубаха-парень. А побывал в таких переделках, что вам и не снились. Будь поосторожнее. Это я как друга предупреждаю.

Груздень прищурился, стянул глаза в щелку. Стасу стало понятно, что зря полез со своими советами. Десятник забавляться не собирался. На войне, как на войне.

– Толян! Бери половину и дуй напрямиком, не сворачивая. Греметь не греми, но особо и не прячься. И совсем хорошо будет, если подразнишь их чуть-чуть. А я попробую обойти. Как думаешь, командир, получится?

Груздень повернулся к Стасу.

– Не думал и не собираюсь, – ухмыльнулся тот вместо ответа. – Теперь твой черед думать. А я просто посмотрю, чья возьмет.

Груздень снова потянулся к потылице. Но передумал и махнул рукой.

Толян, не успев одеть футболку, ринулся в бурьян. За ним, чуть помешкав, и с обидой поглядывая на Стаса, в густых зарослях невообразимых колючек исчезли и его подопечные.

Некоторое время стоял сплошной треск и густой шорох сухих веток и прошлогодних листьев. Но скоро все стихло. Толян сообразил, что такая наглость, наверняка, насторожит Леху, и он заподозрит подвох. И он решил действовать осторожнее, чего от Толяна ожидать было никак не возможно.

Груздень проводил его группой взглядом и кивком головы подал команду своим.

«Решил обойти бурьян стороной, – подумал Стас. – Посмотрим, как у тебя получится. На хитрую попу всегда есть хвост с винтом».

Сел на груды наваленного железа и сорвал травинку. Хотелось курить. И он зло сплюнул. Справиться с многолетней привычкой было куда тяжелее, чем привыкнуть к обрушившемуся на них средневековью.

Посидел с полчаса, нежась под солнцем, встал и решительно двинулся через бурьян туда, где исчезла Толянова команда.

Прошло еще с полчаса, и до его слуха долетела яростная брань и обиженные голоса.

Не на шутку встревожившись. Стас перешел на бег настолько, насколько это позволяли заросли.

«Еще изуродуют друг друга, черти, – мелькнула мысль. – Отношения простые и ясные, границами не огорожены. Мозги условностями и правилами не замусорены. В раж войдут, водой не отлить».

Продрался сквозь бурьян и выпрыгнул на тесную, стиснутую со всех сторон мелколе-сьем и густым кустарником, полянку. В середине поляны яростно ругались командиры противоборствующих отрядов, поддерживаемые одобрительными возгласами своих подчиненных.

Точнее было бы сказать, ругались Груздень и Толян, наседа на Леху. Но тот нагло посмеивался, бесстыже открывая в белозубой улыбке рот. Стас по себе знал, до какой степени озверения может довести эта Лехина улыбка, и поторопился решительно вмешаться в разгорающийся конфликт.

– О чем кричим, господа командиры?

Господа командиры дружно повернулись на его бодрый голос и Стас, пресекая многоголосицу, распорядился.

– Кричать по одному! И желательно шепотом. Я ясно излагаю мысль? Груздень?

Но Груздень только широко открывал рот и не находя нужных слов, размахивал кулачищами перед Лехиным носом.

– Так думаю, что бой вы нашему другу и однопольчанину Лехе проиграли!

Толян со всей возможной прытью вынырнул из плеча своего незадачливого соратника.

– Не проиграли. Это он не по понятиям! А теперь стоит и прикалывается.

– Объясни...

– А тут и объяснять нечего. Ты ему где приказал нас ждать? А он что вытворял?

– И что же он такое вытворял? – как можно спокойнее спросил Стас подпрыгивающего от негодования парня, уже догадываясь, что хитрован Леха таки сыграл с ними злую шутку.

– А то! Он сначала ему, – Толян кивнул на все еще мычащего Груздня, – в спину ударил и запятнал всех. Как пацаны в салках. Так я говорю, Груздень?

Груздень часто закивал головой, кидая на Леху яростные взгляды.

– Излагай дальше.

– А потом на нас насыпался.

- И... ты рожай, рожай быстрее.
- И вовсе даже не «и»! – в голосе Толяна взорвалась вся накопившаяся обида. – Он мне ксиву свою ментовскую в рыло сунул.
- И что дальше? – спросил ехидно Стас.
- Ну, у меня крышу и снесло! Лапы в гору и мордой в землю.
- Молодец, Леха. От лица службы объявляю благодарность за проявленную находчивость и военную хитрость!
- Леха шутливо щелкнул пятками потрепанных кроссовок и вскинул руку к виску.
- Служу Советскому Союзу!
- Как это благодарность! – взъярился Толян. – Груздень! Пацаны! Вообще реально наколол нас! И ему же благодарность...
- В натуре! – наконец выдохнул Груздень первое, что пришло на ум, и повернулся к своим бойцам, ища у них поддержки.
- И поддержка не заставила себя ждать. Бойцы разразились дружными обиженными криками.
- Стас нахмурил брови. На лицо был бунт и явное непослушание, чего настоящий командир не только терпеть, но и видеть не должен. Более того, он просто обязан задавить это на корню безжалостной и беспощадной командирской десницей.
- Леха! Какой приказ ты получил?
- Занять означенный рубеж!
- И...
- Занял, командир!
- А дальше?
- Принял, как водится у нас, командиров, мудрое решение и устроил засаду.
- А рубеж?
- С рубежом, командир, все нормально. Оборонял его от коварного и лютого врага силами пяти бойцов! От приказа не отступил и на пядь! Рубеж удерживал до конца. Только на него так никто и не вышел!
- Толян, понял?
- Пока Толян переваривал информацию, Стас повернулся к десятнику.
- Груздень, я тебя предупреждал, что Леха хитрая бестия? Предупреждал или нет?
- Ну, было... – неохотно сознался Груздень, выскребая из прически репы.
- А ты решил мне не поверить? Своему командиру и, можно сказать, отцу родному?
- Так ведь...
- Их, командир, в пять ножей можно было порезать. У Войтика на заднице воробей сидел, а он даже не почесался, – подлил Леха масла в огонь. – Ну и Веселин, как водится, цветочки нюхал.
- Войтик обиженно хрюкнул и присел, прячась от глаз Стаса.
- Войтик, не прячься. Все равно вижу. Ты тоже считаешь, что Леха победил нечестно?
- Да чего уж там, командир. Осрамились, одним словом. Думали, что они нас будут на месте ждать, а они хитрость задумали. Поднимай руки, Груздень, – и повернулся к Лехе: – Долго нам еще битыми ходить! А воробья на заднице я бы почувствовал. Это ты наврал! Не было никакого воробья!
- И я цветы не нюхал! У меня и так вся борода в колючках. Стал бы я с такой бородой нюхать, – приободрился Веселин.
- Ну, не нюхал, так не нюхал. А хоть бы и нюхал? Разве я запрещал? – охотно согласился Стас. – Да ради Бога. Сколько угодно. Правда, Толян?
- И все равно не по понятиям! – неуступчиво буркнул Толян. – Зачем мне ксивой по фейсу тыкать? У меня, может, на эту ксиву аллергия.

– А из ствола палить аллергии не было? – ехидно спросил Леха и, изменив тон, добродушно обнял парня за плечи. – Ладно, Толян. Проехали. Командир же сказал, что это была военная хитрость.

Похоже, мир был восстановлен. Да и анализ учений прошел на самом доступном уровне.

– Все бойцы. Возвращаемся на базу, – скомандовал Стас.

– С рожами в репьях? – не утерпел Войтик. – Хорошо, баба моя меня сейчас не видит.

А то на порог бы не пустила, не то, что...

– Войтик, обойдемся без продолжения, – остановил его Стас.

– Тебе хорошо говорить, командир. У тебя лицо гладкое, как...

– Войтик!

Войтик поперхнулся и прикрыл рот ладонью.

Леха злорадно улыбнулся. Он уже давно понял, что неспроста его напарник выбрал для учений такое сволочное место. Надоело Стасу смотреть на их заросшие лица. Вот и решил совместить крестины с поминками. Говорил же, что он и соплю сапогом зря не разотрет...

– Бегом марш!

Глава 8

Наутро его полусотня стояла в строю, сверкая гладко выбритыми лицами. А кое-кто, хмуря брови и делая жуткое лицо, стыдливо прятал бритую голову под железный шишак.

Стас удовлетворенно хмыкнул, изобразил на своем лице самую щедрую улыбку, на какую только был способен, и довольным голосом изрек.

– Вот и славно. На людей стали похожи. Теперь в славном городе Соколяне все девки будут наши. Ну, и бабы тоже. Куда им деться от такой мужественной красоты? Кому что нравится.

Ответом послужило могильное молчание. Но Стас, словно не замечая этого, счастливо улыбаясь, продолжал:

– К тому же, не жарко. И с формой двадцать полный порядок. А то, наверное, уже тараканы бегали.

И, не выдержав, страдальчески поморщился, представив вдруг, каково им было срезать многовековую шерсть боевыми ножами. Но тут же заглушил в себе это недостойное чувство сентиментальности и слюняйства.

Зато сейчас он мог рассмотреть каждое лицо, не напрягая воображения. Подчиненные его поражали своей молодостью и здоровьем. Даже Войтик на поверку оказался парнем, самое большое тридцати – тридцати двух лет. А розовощекий красавчик Веселин и вовсе вряд ли достиг призывного возраста. Стас продолжал мыслить теми, старыми категориями, от которых давно пора было отрешиться, но почему-то не отрешалось. И только Груздень был в самом мужском сорокалетнем возрасте.

Впечатление портили только громоздкие грохочущие доспехи. Но и это было поправимо.

– Войтик!

– Здеся... – недовольно пробормотал повар, все еще соболезнуя о потерянной бесславно бороде и усах.

– Не «здеся»! – Стас решил содрать с подчиненных остатки ржавчины и добавил в голос углерода. – Когда командир обращается, следует бодрым и веселым голосом отвечать «я!» и поедать командира глазами, выражая сиюминутную готовность разбиться в лепешку, умереть славной, а, может быть, даже героической смертью в жестоком бою, но выполнить приказ. Войтик!

– Я!

– Другое дело. Как у нас обстоит дело с примеркой?

– А хоть сейчас! – уже бойчее ответил Войтик. – Я уж думал, ты забыл. Все не спрашиваешь и не спрашиваешь.

– Так спросил же.

– Так и я ответил. Хоть сейчас. Только бы не побили, командир, за такую примерку.

– Авось, не побьют, – обнадежил его Стас. – Обновку все любят. Особенно, когда за казенный счет и на халявку.

– За казенный счет только пить хорошо, – несмело возразил кто-то.

– Ну, не скажи! Сапоги или портки тоже неплохо. Свои-то мы уже разбазгали вдребзги. Домой появиться стыдно. Соседи скажут: «Откуда такие оборвыши появились?»

– Тем более. Войтик, веди в свое ателье.

– Ась? – не понял Войтик.

– Темнота дремучая! – пришел на выручку Стасу Толян. – Веди на примерку.

– Так бы и говорили, – Войтик уж было снова хотел обидеться, но передумал, решив приберечь обиду для другого раза. И уж потом рассчитаться за все сполна и сразу.

– Леха, потом ве́ди всех в кузницу и выдай бронники и новые мечи. Копья сдать Серду. Построение через час. И пока не забыл – пусть возьмут новые портянки из своих мешков. Будем людей из них делать.

– А то ты еще не сделал, – ухмыльнулся Леха, с ехидством посматривая на обескураженное воинство. – Они по твоему слову уже готовы травку жевать, как овечки. Правда, Груздень?

Груздень пыхнул ноздрями так, что всем показалось, сию минуту повалит дым и все возьмется ясным пламенем. Но пронесло. Груздень, следуя примеру Войтика, смолчал, чтобы не навлечь на себя новых неприятностей.

– Леха, не лезь под кожу. Он ведь и обидеться может.

– Стерпим. Кто на друзей обижается? Ты же не обижаешься, Груздень? – и не дождавшись ответа, развел руками: – Ну, вот видишь, не обижается.

– Разговорчики... – по-старшински приструнил он всегда готового к едким шуткам друга.

Хотя прав был ехидный Леха. Бойцы и впрямь заметно отличались от остальных защитников крепости. Несколько недель немилосердной муштры и жесткая командирская рука совершенно преобразили это средневековое воинство. Одень на них современную форму, и не отличить от бойца-второгодка.

Через час полусотня снова выстроилась на площади, которую Леха уже звал плацем, облаченная в то, что по его задумке сотворил кузнец из трофейных доспехов, с трофейными же мечами за спиной и в новенькой обувке.

Сам Стас тоже был в броннике, с двумя мечами за спиной и в таких же мокасинах, стянутых крест-накрест сыромятными ремешками. Голова повязана куском серой ткани, выпрошенным за немалую плату у воеводы, как банданой. Поверх бронежилета появилось еще три кармана, из которых торчали рукоятки метательных ножей.

– Великолепно! – восхитился Стас видом преобразенных бойцов. – В связи с переходом на новое вооружение объявляю сегодняшний день праздничным. Занятия отменяются...

– Ура! По рваному, и в школу не пойдем! – вполголоса пропел Толян и подмигнул Войтику.

– Толян! Не позорь высокое звание сержанта, а то разжалую. До конца дня все сделать, как у меня. Леха поможет. И научит, как носить бандану.

– Как нагишом! – долетел до него чей-то сдержанный шепот.

Стас помрачнел. Потом устало вздохнул и негромко ответил.

– Ребятки, бойца защищает не железо. И даже не меч. А умелая рука. Может, даже не рука, а голова. Вы уже и сейчас не каждому по зубам, а через полгода равных вам не будет и во всем этом мире. И тогда даже эти бронники вы откажетесь носить. Настоящий боец стреляет в лицо... Веселин, дружок, сбегай в кузню, я видел там битую кольчугу. Принеси ее мне. А заодно принеси и прямоугольный щит.

Следя усталым взглядом за резвым мальчиком, он через голову снял мечи и подал их Лехе. Потом так же не торопливо скинул через голову бронник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.